

Олег Белоус

The book cover features a complex illustration. The background is a sepia-toned photograph of a town with a soldier on a horse in the foreground and a tank. Overlaid on this is a semi-transparent, purple-tinted illustration of a city with numerous churches and domes, set against a glowing orange and red sky. The title is written in a stylized, black, serif font across three horizontal wooden planks at the bottom.

Хроники
пропавшего
города

18+

Олег Белоус

Хроники пропавшего города

«Автор»

2018

Белоус О.

Хроники пропавшего города / О. Белоус — «Автор», 2018

Город, каких в российской провинции тысячи, перенесся в неведомое. За периметром в двадцать километров начинается совершенно чужая земля, дороги, поля обрываются, словно ножом обрезали. Вокруг ни окружающих городов и деревень, вместо них - степь и дикая тайга. Жители остались лишь с тем, с чем неведомые силы перебросили их. Что делать горожанам? Жить! Строить свою цивилизацию! Рожать детей и делить власть, совершать мерзкие поступки и отдавать жизнь во имя других! Дружить с достойными этого, воевать с врагами. И горе тем, кто встанет на пути попаданцев!

© Белоус О., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Олег Белоус

Хроники пропавшего города

Все персонажи являются вымышленными
и любое совпадение с реально живущими
или когда-либо жившими людьми случайно.

Посвящаю моей маме: Анеле Феликсовне.

Предисловие

Весною, в предрассветный час, произошло небывалое в здешних местах событие. В клочья разрывая зыбкую тишину, в безоблачных южноуральских небесах пушечным громом прокатился далекий грохот, словно вестник судьбы. Звуки плыли в холодном и прозрачном воздухе над тихой излучиной уральской реки Вельки, над непроглядно-черным лабиринтом пятиэтажек и частных домов пока не затихли в невообразимой дали, на противоположном краю Вселенной.

Уличные фонари погрузили мир во тьму, спустя секунду вновь загорелись, отобрав у ночи улицы, обрамленные серыми квадратами стареньких панелек. В тот же миг небо полыхнуло, заплясали в холодном буйстве красок розовые, сиреневые, желтые сполохи. Тьма сбегала. В мельтешении теней и стробоскопических вспышек, расцвечивающих дома, замерзшие ночью лужи и степь в тревожные краски, Южный Урал посетил грандиозное и завораживающее красотой зрелище – северное сияние. Стаи ворон, испуганно крича, взлетели с по-зимнему голых деревьев, завели дикий хоровод над спящими домами. Ветер донес из частной застройки далекий собачий лай. В пятиэтажках вспыхнули окна. Но в целом город не обратил на всю эту чертовщину внимания, он спал, только из полуподвального помещения с вывеской сбоку от дверей: «Муниципальное управление ГОЧС» выскочил дежурный с телефонной трубкой в руке, вскинул лицо к небу.

Что это? Откуда? Несколько минут он то озадаченно озирался по сторонам, пытаясь понять, откуда был грохот, не взорвалось ли чего, то подымал лицо к бешеному танцу разноцветных сполохов. Телефон, который в случае происшествия разрывался от звонков, загадочно молчал. Постепенно все успокоилось: зарево в небе исчезло; окна в пятиэтажках погасли, они вновь погрузились в безмятежный сон, только где-то все еще брехали перепуганные собаки и шелестел запутавшийся в ветвях ветер. Дежурный пожал плечами и пошарил в кармане, закурил. Огонек папиросы, то вспыхивая, то почти угасая, светился во тьме красным угольком. Потушив окурок об бетонную стену, бросил в урну, а спустился назад. Он даже не предполагал, что остаток ночи будут сыпаться сообщения об авариях на ЛЭП, оптоволоконных линиях связи, соединяющих город с областным центром, на ГРЭС и до утра будут трудиться аварийные бригады, и только к шести часам удаленные районы запитают от городской электростанции, а связь с окружающим миром так и не наладится.

Глава 1

Этот день начался как обычно. Иван Савелович еще не знал, что природа ли, Всевышний ли, но его судьба и судьбы соседей и вовсе незнакомых людей были исчислены, взвешены и найдены слишком легкими...

Сквозь щелки в шторах в кухню струила холодная предутренняя тьма. Ночью спал плохо, ныл желудок – мучил застарелый гастрит. Лекарства не помогли. А под утро на улице бахнуло и сон ушел окончательно. Рассудив, что смысла пытаться уснуть уже нет, накинул любимый махровый халат и просидел на кухне за кроссвордом пока за окном темнота не сменилась предутренным сумраком. Так что день начал со скверным настроением и гудящей головой. Наскоро умылся и, перекусив извлеченными из старенького холодильника остатками ужина, угрюмо поплелся в гараж.

Ключ провернулся в замке зажигания, выдавшие виды жигуленок приветственно зарычал. Дожидаясь пока разогреется двигатель, вышел из гаража. Желтый, таинственный свет уличных фонарей отражался от покрытых хрустким льдом лужиц. Горизонт на востоке потихоньку розовел. Весенний город был грязен и неуютен – в тени гаражей еще таились черные от пыли сугробы, стылый ветер пробирал до костей; в воздухе плыли холодные запахи весны и сырости. Запахнув получше потертую куртку, облокотился на железную стенку гаража. Темные грубые руки, в которые, казалось, навечно въелась стальная окалина, вытащили сигаретную пачку. Дымок поплыл к рассветному небу. Зевнув, посетовал про себя: «Чертова баба, не могла на попозже купить билет на самолет! Сама дрыхнет, а мне вставай ни свет, ни заря!» Иван Савелович шестой год как получал заслуженную пенсию металлурга и успел забыть, каково это, вставать с утра на работу, а тут жена с ее дурацкой поездкой в гости к сыну. Навестить сына и внуков он сам не прочь, но зачем брать такой ранний рейс? Чертова экономка взяла самые дешевые билеты!

Старенькая машина, проскрипев подвеской, втиснулась в поворот. «Вернемся, надо посмотреть, подкрутить!» – привычно отметил про себя Иван Савелович. Ремонтировать машину, как и делать другую мужскую работу он предпочитал собственными руками. Сила в них, слава богу, еще была, да и росли они с нужного места. А тратить деньги на всякие шарашки – станции технического обслуживания... баловство это. Машина остановилась. Жена, в лучшем парадно-разъездном наряде, поджидала у крыльца подъезда, нетерпеливо перебирая в руках ремень сумочки. Иван Савелович вышел из автомобиля, ткнулся губами в щеку, от которой разлило приторно сладкими духами, царапнул небритым подбородком. Супруга оценивающе глянула мужу в лицо:

– А ты небритый! – сказала с упреком.

– Мужчины всегда с утра небритые, – проворчал Иван Савелович и закинул тяжелую сумку в багажник, – Некогда было.

Старик устроился на водительское место. И так день не задался, а еще эта лезет с глупостями. Женщина обидчиво поджала ярко-алые, как у вампиров в ужастиках, губы.

– Мог бы и побриться, хотя бы ради меня!

Иван Савелович благоразумно промолчал, а супруга забралась на заднее сидение, хлопнула дверь. «Курлы-курлы» – послышался с небес крик перелетных птиц. Машина неторопливо тронулась, а мужчина, не поворачиваясь, проворчал:

– Ага! Счас! Только шнурки поглажу!

Жена фыркнула, но не стала с утра нагнетать атмосферу. Из дамской сумочки появился телефон, женщина уткнулась в экран. Но вскоре и это надоело. Задвинув шторку со своей стороны, откинулась на сидение и прикрыла глаза. Старик включил магнитофон, забытый певец проникновенно пел о любви до гроба:

И было ей семьдесят шесть,

когда ее самой не стало.

Нет, не страшила ее смерть,

скорей, она о ней мечтала:

бывало, знаете ли, сядет у окна,

и смотрит-смотрит-смотрит в небо синее -

дескать, когда умру, я встречу его там...

Старик покосился на супругу, поморщился и сделал звук потише. Промелькнули мимо последние спящие пятиэтажки, с обеих сторон тянулись заборы, за ними кирпичные дома частного сектора. Через несколько минут машина вырвалась на ведущее к областному центру шоссе и прибавила скорость. Супруга Ивана Савеловича успела мирно задремать, когда пронзительно заскрипели тормоза, машина резко остановилась, двигатель заглох. Силой инерцией женщину толкнуло вперед, она едва не ударилась лбом о спинку.

– Ты что? – взвизгнула. – Смерти моей хочешь? Кто так останавливается?

Несколько мгновений Иван Савелович напряженно вглядывался в лобовое стекло, затем повернулся к жене и ткнул пальцем вперед:

– Смотри!

Яркий свет фар освещал невозможную картину – впереди вместо федеральной трассы голая степь. Резкие тени от сухого ковыля, блестят грязные весенние сугробы. И тишина, про которую не хотелось думать: гробовая.

Женщина поражено охнула, бледность покрыла лицо. Повернулась. В десятке метров позади в свете двух шеренг ярких фонарей блестел мокрый асфальт. Контраст между цивилизованным шоссе и дикой степью такой разительный, что в голове женщины заметались панические мысли. «Да нет, это же... Да как же это может... Мы сто раз проезжали здесь!»

– А где... дорога? Почему мы едем по полю? – голос женщины дрогнул.

– А я откуда знаю! – проворчал мужчина, покраснев, словно вареный рак. – Сам ничего не понимаю!

Женщина побледнела от злости. Завез ее неведомо куда и еще оправдывается! Губы стиснула в алую ниточку.

– Ты куда меня завез, старый черт! Я что, по твоей милости должна опоздать на самолет? – с жаром накинулась на мужа.

– Да ты что! Я...

Женщина схватила дамскую сумочку и, изо всех сил размахнувшись, треснула по голове недотепу. Если бы мужчина в последний момент не прикрылся рукой, хорошая шишка была ему обеспечена.

– Ай! – тоненько вскрикнул.

– Вези меня в аэропорт! – супруга отчаянно взвизгнула.

– Ты чего? С ума сошла? Я тебя вез, а потом дорога вдруг исчезла!

– Где дорога? – жена взревела иерихонской трубой, не обращая внимания на попытки супруга оправдаться, – Ищи ее, старый черт!

Иван Савелович крикнул от досады. «Чертова баба», – подумал в который раз за утро, но помня о нраве жены, спорить не решился. Украдкой потер предплечье, провернул ключ зажи-

гания. Машина негромко загудела, осторожно объезжая нерастаившие сугробы, потихоньку двинулась по бездорожью весенней степи. Спустя несколько минут даже супруге Ивана Савеловича стало понятно, что таким образом они никуда не приедут, зато рискуют заблудиться, и нужно возвращаться на шоссе. Женщина уже хотела сказать об этом супругу, когда неяркий свет фар высветил странную фигуру: бабая (*старик-южноуральский диалект русского языка*) на невысоком лохматом коне в рваном сером халате и с сморщенным, как печеный картофель, лицом. Руки сжимали туго натянутый лук.

«О прохожий! Спрошу дорогу», – Иван Савелович подъехал поближе и затормозил. Лошадь пугливо попятилась, а старик испуганно взвизгнул и прокричал что-то непонятное. Пронзительно тренькнула спускаемая тетива. Жалобно дзинькнуло. На переднем стекле автомобиля появилось круглое отверстие, с густой сеточкой трещин вокруг, пронзительно свистнуло мимо водителя и, словно крапивой, обожгло кисти рук.

Позади раздался женский крик ужаса и боли. Мужчина не всегда был подкаблучником, покорно принимающим тумачи. Когда-то был горяч и скор на расправу с обидчиками и на память о юности и армейской молодости на лбу и груди остались белые полосы шрамов. Лихая юность давно прошла, но, где-то глубоко в душе еще прятался прежний: бесшабашный и скорый на ответку Ванька. Тело среагировало самостоятельно. Нога яростно нажала на педаль. Жилистые, красные руки металлурга с двадцатипятилетним стажем, переключили передачу и газу! Сердце сумасшедше стучало в груди, а в голове билась единственная мысль: «Только бы автомобиль не заглох и не въехал в яму!». А еще он не понимал, откуда в двадцать первом веке убийца со средневековым оружием? Урал не дикая Африка, где до сих пор пользуются стрелами. В этом было нечто мистическое, невозможное в обычной жизни.

Машина, словно подстреленная антилопа, скакнула назад и помчала задом, с каждой секундой набирая скорость. Вновь вжикнуло над ухом, опалило его как огнем. Мужчина скосил взгляд. Вплотную к голове трепетало оперение стрелы, глубоко впившейся в кресло. Надрывный крик на заднем сидении стал потише, перешел в полный страдания прерывистый стон.

Крутому повороту мог бы позавидовать Шумахер. Автомобиль почти на месте развернулся и на полном газу понесся назад. Старик на лошади пропал из виду, а позади наступило зловещее молчание. Мужчина скосил настороженный взгляд на зеркало заднего вида, женщины не видно. Тогда рискнул на секунду повернуться. Жена, с закрытыми глазами, сползла по сидению вниз, из живота торчало короткое древко с оперением, на пальто вокруг расплывалось темное пятно, и лишь едва заметно вздымающаяся грудь подтверждала, что она жива. Сердце в груди мужчины словно остановилось, он вздрогнул. «Умирает! Она умирает! Этот гад подстрелил ее!» – в отчаянной панике думал мужчина. «Откуда он появился, этот сраный Робин Гуд? Не уберег голубку!» – бились в черепе бессвязные отрывки мыслей. Только сейчас старик понял, как супруга дорога ему и что любит ее так же, как и тридцать лет тому назад. Именно поэтому спускал все капризы. Слезы жалости выступили на глаза, торопливо смахнул их рукой. Первым побуждением было остановить машину и оказать жене первую помощь, но тут пришла мысль, что, возможно, убийца догоняет их. Тогда вместо того, помощи погубит любимую. Лицо старика ожесточилось, паника, которой Иван Савелович едва не поддавался, отступила.

Ничем другим, кроме божьего промысла, то, что он не заблудился и нашел шоссе, объяснить невозможно. Старик мчался так, как еще никогда в жизни. Встречный ветер из разбитого лобового стекла ярился, рвал одежду, наотмашь стегал лицо. Плечи вдруг задергались, странные корчи потрясали тело, он плакал, дергая головой, без слез, беззвучно.

Считанные минуты бешеной гонки и показались огни придорожных фонарей. Взвизгнули тормоза, машина пошла юзом, но каким-то чудом удержалась на асфальте. Старик с аптечкой в руках выскочил на дорогу, рванул заднюю дверь. От увиденного по спине зазмеила ледяная струйка пота, руки затряслись. Женщина была без сознания, но жива – все так же едва

заметно вздымалась грудь. Стрела пробила тело насквозь и глубоко вошла в сидение. Иван Савелович с ужасом понял – «Если сдвину стрелу, то могу ее убить, я же не доктор! Быстрее в больницу, там помогут!».

В мгновение ока мужчина постарел на десяток лет, лицо осунулось, морщины стали глубже и заметнее. Иван Савелович запрыгнул в машину, автомобиль обезумевшей птицей рванул с места.

На въезде в город, за кустами, таился бело-синий патрульный автомобиль ГИБДД, рядом лучился довольствием толстый гаишник с поднятой полосатой палкой в руке – предвкушал от автолихача законный куш. Не доезжая несколько шагов, автомобиль, неистова скрипя тормозами, остановился. Посредине узкого конуса чистого лобового стекла, прорезанного ручными дворниками, дыра, за рулем – смертельно бледный старик с окровавленными руками, кровь капала на руль с разорванного уха. Физиономия полицейского удивленно вытянулось, а рука торопливо залапала кобуру. Хлопнула дверь, Иван Савелович, выскочил из машины. Захлебываясь собственным криком, проорал:

– Моя жена, она умирает! – и кинулся открывать к задней дверце автомобиля.

***

Пробуждение было резким и тревожным, но ничего не предвещало предстоящих фантастических событий.

«Шшшш» – громогласно зашипело разозленной гадюкой. Александр Петелин Вздрогнул и с трудом открыл глаза, непонимающий взгляд уперся в низкий белый потолок. «Где я?» Спустя миг пришло понимание, дома. Квартиру он снимал в небольшой двушке в «брежневке» в 16 микрорайоне пополам с приятелем-летчиком. Приподнялся. В маленькой комнате с трудом разгонял полумрак светящийся экран телевизора – он и свистел, блеклый свет едва пробивался сквозь плотные занавески. На стене – фотографии «псов войны» – молодцов с квадратными челюстями в беретах, в руках автоматы и гранатометы. Взгляд упал на стол, где на фотографии в деревянной рамке улыбалась Оля, или как он называл ее ласково Олененок, рядом фото родителей, они молодые и отец еще жив. Александр познакомился с девушкой в ноябре прошлого года в небольшом кафе, где Оля в обществе подружек праздновала день рождения. Бледное лицо с ярко-алыми губами в обрамлении радикально черных волос, она сразу приковала жадный мужской взгляд. По прошествии полугода дело уверенно шло к свадьбе, по крайней мере, предложение супового набора (*руки и сердца*), приняли благосклонно.

Губы расплылись в беспечной и чуть-чуть сонной улыбке, какая, казалось, никогда не сходила с лица.

Рука торопливо зашарила по тумбочке, на пол спланировало вскрытое письмо. Мать писала, что у них все хорошо: сестренка готовится поступать в институт и интересовалась, когда приедет в отпуск? Александр чертыхнулся. Наконец пальцы нащупали среди царившего на тумбочке бардака дистанционник. Прошелся по всем каналам. Один белый фон. Хмыкнул удивленно, месяца два тому назад на ретрансляторной вышке проводили профилактику, но даже тогда почти половина российских каналов и оба казахских работали, выключил телевизор и протяжно зевнул. «Черт! Спать как охота!» Вчера до двенадцати с Олененком зажигал в кафешке. Домой добрался поздно, и, когда улегся спать, часы показывали ближе к двум ночи.

Поднялся с кровати, по курсантской привычке, за почти год офицерской службы не успел от нее избавиться, сразу застелил одеяло и открыл окно. Вместе с бодрящей, весенней свежестью, пропитанной пряным запахом набухающих почек, в комнату проник заунывный колокольный звон – в церкви неподалеку началась служба. За мутноватым после зимы окном над обшарпанными пятиэтажками неторопливо подымалось алое, словно губы любимой женщины, весеннее солнце. Поднял с пола письмо и, прихватив мобильный, поплелся в ванную. Время – без десяти семь утра. Впритык умыться, позавтракать и добраться до части.

На ходу вытирая полотенцем лицо, Александр заскочил на кухню. На общем с соседом кухонном столе – недопитая кружка с чаем, и тарелка с засохшими остатками яичницы. Сосед – Сергей, лейтенант-вертолетчик из базировавшегося на Горке отряда, вчера был на ночных полетах. Познакомились они прошлым летом. К невысокому парню приставали двое местных, а Александр заступился. Вырос он на радость родителям крупный – под метр девяносто и широкоплечий, так что местные здраво оценив шансы и последствия, предпочли отступить. Так началась дружба. Характер у Александра был веселый, хотя, как он сам признавал, немного авантюрный, и с соседом за год они крепко подружились. После Оли и мамы он стал самым близким человеком. Укоризненно покачал головой и убрал грязную посуду в мойку.

Пожарив холостяцкую глазунью, как любил с мелко нарезанной колбасой, налил кофе и принялся привычно быстро «работать» вилкой. Дверь пронзительно заскрипела, в проеме возникла заспанная, мятая физиономия соседа, простоватым славянским лицом он крайне напоминал киноартиста Охлопкова в молодые годы.

Александр поморщился и в который раз напомнил себе – не забыть смазать дверь машинным маслом.

– Привет, – пробормотал сонно Сергей и вяло ударил по протянутой ладони. Зевнул, прикрыв рот, потом принялся к витающему на кухне горько-сладкому запаху кофе. Уже гораздо энергичнее плюхнулся на стул, щелкнул переключателем мгновенно заурчавшего электрочайника.

– Ты чего так рано? – Александр из-за набитого рта произнес невнятно, – Вроде после ночных у тебя отсыпной?

– Кто ходит утром по делам, тот поступает мудро! – летчик поднял указательный палец вверх, – О как получилось!

Александр в ответ неопределенно хмыкнул. Понятно. Опять познакомился с кем-то.

Приятель заварил в большой кружке черного, как африканская ночь, кофе. Понемногу прихлебывал, с собачьей тоской в глазах посматривая на залитую солнечным светом улицу. Закончив с яичницей, Александр пододвинул кружку и включил мобильный. Интернет открываться отказывался – на экране висела надпись: нет соединения. Попытался еще несколько раз, досадливо поморщился и бросил телефон на стол.

– Слушай. А что с интернетом? Нет связи показывает!

– Да? – Сергей вяло удивился и достал телефон. Интернета и не было у него, – У меня тоже нет, – на секунду замер, потом предположил, – Может профилактика какая-нибудь или порыв.

– Может и так, – Александр пожал плечами и прикусил губу.

– Слушай, деньгами не богат?

– Опять новые девчонки небось? – Александр покачал головой и вытащил из кармана кошелек, – Сколько?

– Да ладно тебе! Сколько сможешь дай.

Не глядя, отделив половину купюр, Петелин протянул стопку.

– Держи!

– Отдам в конце месяца, – Сергей благодарно кивнул.

Александр махнул рукой, дескать пустяки. Поднялся, посуда отправилась в мойку и направился к двери. Тревожила какая-то деталь, на которую до этого не обратил внимания. Наконец, понял, что. На секунду остановился у двери, повернулся и бросил задумчиво:

– Все-таки непонятно, почему одновременно вырубилось и телевидение, и интернет!

– Да? – сосед нервно оближал губы – была у него такая привычка, махнул рукой. – Куда денутся, сделают.

Александр выскочил из подъездных дверей на улицу, зажмурился на миг после полутьмы. Как все по-весеннему весело, ласково, приветливо! Это как если выздоравливаешь после

тяжелой болезни, то блаженное состояние, когда замираешь от смутных предчувствий и улыбаешься без всякой причины. Солнце, несмотря на апрель, светило и грело вполне прилично; тысячами бликов сверкали от металлических крыши; грязный, весенний снег еще не сошел, еще таился в тени, но в душу уже просилась весна. Деревья голые, но уже проснулись, готовятся выбросить миллионы почек. На бездонно-синем небе ни облачка – недаром местные старожилы с гордостью рассказывали, что солнечных дней в нем не меньше, чем в Крыму. Город стоял в сотне километров от Уральского хребта и облака, налетев на горы, резко подпрыгивали.

Редкие по утреннему времени прохожие спешили, с улицы Советской доносился шум проезжающих автомобилей. Александр торопливо, времени впрыток, двигался мимо многоэтажек и проходил мимо большого магазина с гордым названием «Россия», когда в кармане забился мобильник. На экране высветился знакомый номер и изображение Олененка.

– Да, солнышко, – обрадовался Александр, останавливаясь перед зеброй перехода – на светофоре горел красный. Губы расплылись в славной улыбке, сделавшей на мгновение похожим на артиста Галкина. Порыв влажного ветра донес с окраин заполошный петушинный крик. Метрах в двухстах дальше башенным шпилем торчало трехэтажное здание пожарки.

– Привет – отозвался желанной мелодией девичий голосок.

Семафор мигнул, загорелся зеленый, с визг зимних шин затормозили автомобили. Торопливо перебежал дорогу. С непонятным, но тревожным чувством, что он пропустил что-то важное, двинулся по кварталу пропахших навозом разнокалиберных частных домов – здесь многие держали живность.

Женщины любят говорить много и в этом смысле Оленька была типичнейшей из представительниц своего племени. Тараторила словно швейная машинка, торопясь вывалить обширнейшую информацию, которую узнала с утра поболтав с многочисленными подругами. А еще она вчера «сожрала» пироженку, потому что она вкусная, а ей от одной ничего не будет. Пусть Сашенька даже и не воображает себе ничего! При всех выдающихся внешних достоинствах, пленивших юного лейтенанта с первого взгляда, болтала девушка столько, что, поначалу доводила влюбленного в нее словно мальчишка, парня, до белого каления. Впрочем, перечень ее достоинств не ограничивался шикарной внешностью, она была скромна и обладала истинным житейским умом, который важнее для женщины, чем образованность и начитанность. Александр привычно поддакивал где нужно, он давно смирился с маленьким недостатком избранницы.

Что-то насторожило его в словах подруги, но он не мог понять, что и, нахмурился.

– Повтори, пожалуйста, что ты сейчас сказала, я не расслышал.

– Вот опять не слушаешь меня, а обещал! – ответила капризно. Александру так и представилось, как Олененок обиженно надула пухлые губки, которые так любил целовать.

– Нет-нет, – запротестовал. – Это машина проехала. Вот и не услышал!

Он считал, что с женщинами и детьми лучше всего действовать мягкостью.

– Ладно, – голос снова стал обычным, – Аня, ну ты помнишь, я ее тебе показывала?

– Да-Да, Оленька, – поспешно подтвердил Александр, стремительно шагая по мимо бетонных заборов. Хотя никакой Ани не помнил.

– Так вот, она работает в приемном отделении больницы и под утро к ним привезли женщину, раненную в живот настоящей стрелой! Ты представляешь? Ей сделали операцию, она сейчас в реанимации, и у нее благоприятный прогноз! А еще скорая поехала в Ключевку, это за Горкой, там район начинается, а дорога вдруг исчезла, был асфальт и вдруг сразу раскисшее поле. Куда она делась? Ты представляешь? – тараторила подруга.

То, что прежде было неясным подозрением, приняло ясные очертания и четко выступило в сознании как факт, отрицать который невозможно. Это было невозможной фантастикой, но эта версия все объясняла. Александр остановился, как вкопанный, не доходя до дверей КПП всего пару шагов.

– Товарищ лейтенант! – громко выкрикнул из открытого окошка сержант-демпель, с красной повязкой дежурного по КПП, – Тревога! Посыльный к вам уже убежал!

Рука с телефоном упала, Александр тихонько выпустил воздух меж зубов и ошарашенно уставился на сержанта. Видимо, в облике лейтенанта читалось нечто такое, от чего лицо дождавшегося командира дежурного по батальону удивленно вытянулось. Все сходилось! Всем странностям сегодняшнего утра: отсутствию интернета и телепередач, стреле и исчезновению дороги, появилось фантастическое, но логичное объяснение. Ты мечтал попасть в новый мир, еще не изгаженный цивилизацией, не пропахший пылью, бензином и сигаретным дымом? Мечтал изучить его, познать его тайны и загадки? Получи и распишись!

А в мае собирался в отпуск – навестить мать, она так ждала... По спине пробежал холодок.

***

К рассвету, когда после бессонной ночи усталые аварийные бригады вернулись на базы, никто так и не смог ответить на вопрос: почему нет междугородней и военной связи, интернета? Хорошо хоть электричество появилось. Если бы не оставшийся в пределах нормы радиационный фон и отсутствие хорошо знакомых военным признаков ядерного нападения, то командиры городских воинских частей решили бы, что началась война. Но ничего этого не было, и они терялись в догадках. Без десяти восемь утра начальник гарнизона на собственный страх и риск распорядился поднять воинские части по тревоге. Утром, когда междугородные автобусы и электрички вернулись на вокзалы, так как шоссе исчезло, а железнодорожные пути обрывались в десятке километров от станции, город забурился. Записные сплетники сходили с ума в попытке разумно объяснить произошедшее. Поползли нелепые, но полные жути слухи, один фантастичнее другого.

К обеду на тротуаре перед зданием администрацией города собралась разношерстная группа из пары десятков человек, с яркими самодельными плакатами, большую часть ее составили люди в возрасте или самого экзотического для провинции вида.

Посредине вдохновенно ораторствовал мужчина возрастом под пятьдесят, среднего роста и сублильного сложения с большой лысиной и отеком от регулярного пьянства лицом с припухшими веками. В дешевых синих джинсах, невымытые волосы с изрядной проседью всклокочены – словом никак не напоминал майора запаса, каким являлся.

Он громогласно скандировал в мегафон:

– Соловьев! Выходи!

Демонстранты поддерживали разноголосыми голосами. Пусть глава города разъяснит землякам, что за безобразия творятся вокруг. Есть такая категория людей, у которых что бы не предприняла власть, все плохо. И. если строится завод, то он источник экологических проблем, а не место, где они и их дети могут заработать средства для жизни, а если жилой дом для малоимущих, то долго и некачественно.

Полицейские у входа в администрацию, усиленно делали вид, что события их не касаются. Впрочем, это не мешало им отгонять приблизившихся к дверям демонстрантов.

А глава города, Виктор Александрович Соловьев, отодвинув в сторону белоснежные жалюзи окна, с высоты второго этажа с нехарактерным для него волнением рассматривал в щелку входившую в азарт толпу и почесывал до синевы выбритый квадратный, характерный для людей волевых и властных, подбородок. Это был плотный, лишь слегка обросший возрастным жирком мужчина в самом расцвете сил, с властным характером, граничащим с жестокостью. Время от времени по лицу пробежала надежда, тут же сменявшаяся обычным хмурым выражением. Большинство людей внизу знал лично, город небольшой, и все записные бузотеры наперечет. «Подождут», он цинично ухмыльнулся. Заводилой, конечно, Ванечка – а кому еще тут митинговать, разглядывая немного прищуренными глазами оратора, думал Виктор Александрович. Он хорошо знал его, тот всегда вел себя активно, и предыдущая администрация

едва не взяла его на должность, но даже там в последний момент сообразили, что неисправимые болтуны не нужны. С тех пор тот слыл вечным оппозиционером и инициатором всяческих беспорядков.

Виктор Александрович администратором был многоопытным. Отруководил городом четыре года, но, затем с треском проиграл муниципальные выборы. Земляки не простили алчность и множество квартир, записанных на родственников. Тогда он затаил в сердце жгучую обиду и желание реванша. Но город Соловьев любил, хотя и своеобразно. Так, рачительный хозяин любит и желает обиходить наилучшим образом бычка, которого выращивает для забоя.

Новый глава оказался слабым хозяйственником, что немедленно отразилось на городе.

Если кто думает, что вопрос власти при демократии – вопрос предпочтений народа, тот ничего не понимает в том, как власть устроена и меняется. Стать во главе государства, области, города – не важно, может только тот, кого поддерживает элита или хотя бы ее часть: финансово, идеологически, организационно. Город не исключение из этого правила. Те, кто имел власть или деньги – городская элита, делились на две группировки, по большому счету похожие друг на друга, как близнецы. Политика при победе другого клана изменялась незначительно, менялся только зад, который восседал на мэромском кресле. Только один клан объединял в основном местные кадры – ее безусловным лидером являлся Виктор Александрович, человек яркий, авторитарного склада характера. Второй объединяло скорее неприятие Соловьева, и он не имела единого лидера. Самыми авторитетными были директор ГРЭС, объединивший вокруг себя «варягов» и миллионер, а, по совместительству депутат городского собрания, Романов.

На очередных выборах настало время реванша, Виктор Александрович воспользовался ошибками оппонентов и триумфально вернулся во власть. Горожане помнили все. В том числе и то, что он жесткий и деятельный организатор, способный наладить жизнь в городе, и на этот раз проголосовали за него...

Солнце едва прогнало утренние сумерки, когда Виктор Александрович, как обычно, за час до начала рабочего времени, приехал в администрацию. Охранник, открывший дверь, возрастом слегка за шестьдесят, вид имел помятый и подозрительный. Виктор Александрович на секунду остановился, от охранника спиртным не пахло. «Ладно, прощаю», – Соловьев пригладил пятерней «ежик» седых волос и, по старой привычке перед объездом улиц, зашел в кабинет.

Едва переступил порог, затрещив телефон и на мэра обрушился третий вал информации о таинственных событиях вокруг города. Все началось с ночного обрыва питающей город линии ЛЭП, из-за чего автоматика переключила электроснабжение на городскую электростанцию. Вначале не поверил, даже разозлился, но сообщений пришло слишком много, и он решил разобраться в ситуации прежде чем действовать. А после известия, что за городом женщину ранили стрелой, глаза полезли на лоб. Рационального объяснения таинственным событиям он не видел, пока, сопоставив все факты, не пришел к невероятному, но объяснявшему все выводу. Утреннюю поездку отменил, чем облегчил жизнь многочисленным коммунальным организациям города, с них при каждом удобном случае спрашивал так, что только дым стоял столбом, и позвонил командиру вертолетного отряда полковнику Гришаеву.

Голосом, срывающимся от волнения, летчик доложил, что с соседними аэродромами и командованием связь пропала. Тогда Соловьев попросил послать вертушку облететь окрестности и разведать обстановку в районе областного центра. А секретариату – собрать военных и правоохранителей...

– Дзинь! – оглушительно прозвенел телефон, Соловьев вздрогнул, по спине прошла волна ледяного озноба. Ломая в себе проклятое чувство боязни, повернулся, несколько секунд смотрел на телефонную трубку, словно это не творение человеческих рук, а ядовитая гадюка, подошел к столу.

– Да? – замолчал, слушая невидимого собеседника. – Понял! Благодарю!

Нервно прошелся от стола к двери, рухнул в кресло. Черты лица буквально плыли, один за другим пробегали по нему: восторг и ужас и, снова восторг. Наконец, выдохнул воздух, высоко вздымая плечи. Лицо привычно окаменело. Тщательно подравнял аккуратно сложенные на столе документы, поднялся и направился на выход.

Соловьев остановился в небольшой приемной, обставленной в современном офисно-деловом стиле, каких на просторах от Смоленска до Владивостока тысячи. Военные и правоохранители кучковались по группкам и тихо переговаривались, гадая о причинах срочного сбора. Отдельно – оба командира пограничных частей вместе с заместителем начальника городского отдела ФСБ в «гражданке», начальник отдела, как всегда занят, и он представлял службу вместо него. Рядом сверкали большими звездами на погонах полицейские: начальник горотдела вместе с начальником отдела по борьбе с оборотом наркотиков. С ними главный таможенник с руководителем службы судебных приставов и пожарный, отдельно два командира воинских частей с военным комиссаром – полковника Гришаева еще не было. И если группы «военных» состояли из приехавших издалека «варягов», то в «полиции» в основном местные, знавшие друг друга чуть ли не со школьных времен.

При виде главы города недружно поздоровались.

– Здравствуйте! – мэр небрежно бросил в ответ и подошел к углу, где напротив окна за компьютерным столом самого казенного вида сидела секретарь. – Все собрались?

Голос обычный, спокойный.

Крашенная брюнетка, похожая на секретаршу в левой конторе, отрицательно покачала головой.

– Нет командира вертолетного отряда, – на правах старой сотрудницы из времен первого периода управления городом Соловьева, она могла многое себе позволить. Взгляд упал на настенное зеркало. Как она? Вроде все хорошо.

– Виктор Александрович! Правда, что город куда-то перенесло? – отрывисто хохотнула, – Представляете какую чушь люди говорят? Ох люди, люди, чего только не придумают!

Женщина похоже, сильно нервничала поэтому тараторила без умолку.

Мэр недоуменно уставился, нахмурился. Как же стремительно слухи разносятся по городу! Поколебавшись, ответил:

– Да, перенесло похоже... – хотел еще что-то сказать, но сдержался.

Женщина ахнула, закрыла руками скривившийся в гримасе ужаса рот. Толпящиеся в приемной люди замерли, потом раздался изумленный возглас.

Глава города повернулся. Взгляд остановился на стоявшем в стороне крепко сложенном мужчине с короткой стрижкой в возрасте слегка за тридцать. Многократно перебитый нос делал его похожим то ли на бандита, то ли на боксера.

– Володя, давай за мной! – и направился на выход.

Мужчина кивнул и двинулся следом, в паре шагов за Соловьевым. Официального статуса у него не было, но во всех поездках он сопровождал Виктора Александровича и, поэтому считался неофициальным телохранителем городского главы. Кто платил за это, никто не знал, но лицо он был приближенное к градоначальнику и его откровенно побаивались. Виктор Александрович остановился у дверей, обернулся, снова оглядел обалдевших военных и полицейских, криво усмехнулся и вышел из приемной.

Бездельников, таскающихся по разным митингам и демонстрациям, кроме санкционированных властью, Соловьев искренне считал людьми ничемными. Поэтому вышел из старинного здания администрации с видом грозным и непреклонным и таким же настроением. Яркое весеннее солнце хлестануло по глазам. На мгновение опустил взгляд, замедлив шаг. Звонко громыхнула, закрываясь за охранником, массивная дверь. Звук заставил оратора повернуться.

Оратор поперхнулся на полуслове, рука с мегафоном упала. На узких, плохо выбритых губах зазмеилась виноватая и заискивающая улыбка, отшатнулся, словно хотел затеряться среди митингующих.

Толпа разномастно одетых горожан заметила мэра, люди замолчали и уставились на него кто со злобой, кто с интересом, но все с ожиданием: что-то будет?

Аккуратно обходя неглубокие лужи, из которых сизые голуби, распушив перья, с достоинством пили воду, Виктор Александрович подошел почти вплотную к окончательно смешавшемуся заводу.

– Здравствуй, Иван Алексеевич! – по жестким губам мэра скользнула немного презрительная улыбка, – Опять бузишь? Не надоело?

Расплескивая лужи в мелкие, леденящие капельки, мимо пролетали легковые автомобили, водители с интересом поглядывали в сторону толпы, но у всех дела и, машины мчались дальше. Прохожие останавливались, вливались в толпу. Заводила с растерянным видом оглянулся на смотрящих на него с надеждой соратников. Взгляды придали ему силы.

– Этна... Здрасте и вам... – невнятно, словно во рту каша, прошепелявил оратор и бросился в атаку, – А расскажи Виктор Александрович народу – тут вновь посмотрел на обступивших людей и продолжил с каждой секундой крепнущим голосом – что за беспорядки вокруг? Почему нет связи с областным центром? Почему нет телевидения? Почему вернулись междугородные автобусы? Видишь сколько вопросов к тебе? Мы тебя выбрали, – остановился и указал рукой на обступивших людей и почти прокричал, – этна народ спрашивает, почему безобразия допускаешь!

Толпа громким и невнятным, но одобрительным гулом поддержала предводителя, люди выжидательно смотрели на главу города. Испуганная криками стая голубей взлетела с асфальта, закружила в круговороте над площадью.

Виктор Александрович мысленно поморщился, глубоко внутри появилось раздражение, но на лице по-прежнему маска вежливого внимания. «Достал. И как с такой дикцией служил замполитом? Я бы и близко к солдатам не подпустил». Но вокруг стояли люди и ждали ответа, и, хотя объяснить не очень хотелось, но пришлось. Заговорил спокойным, размеренным голосом, так не соответствующим содержанию речи:

– Вы, Иван Алексеевич не шумите. Мы работаем и выясняем что произошло. С Горки вылетел вертолет, когда он вернуться, тогда и узнаем, что за чертовщина вокруг, – помолчал, раздумывая, стоит ли это говорить, но потом решил, что скрывать глупо. Все равно рано или поздно рассказать придется, – Но уже известно, то ни областного центра, ни ближайших городов и деревень он не обнаружил. Зато нашел кучу стойбищ, как у северных народов.

Иван Алексеевич изумленно ахнул, ладонь с траурными каемочками под ногтями на миг прикрыла рот. Нервно оглянулся вокруг. На него смотрели десятки испуганных и умоляющих глаз. Он не мог не оправдать их надежд.

– Ты власть этна! Как ты... как ты мог допустить это! – воскликнул, от волнения давая петуха.

Виктор Александрович посмотрел на собеседника словно на дите малое, досадливо поморщился. Сейчас работать надо, а тут приходится с этим балбесом объясняться.

– Я тебе не господь бог и не контролирую природные явления, так что претензии предъявляй к Всевышнему или к природе, уж не знаю, верующий ты или нет, – ответил жестко и перевел взгляд на притихшую толпу, – От имени администрации я заверяю, что мы предпримем все возможные меры, чтобы избежать катастрофы, хотя сразу предупреждаю, что будет нелегко, и я потребую дисциплины и работы. Строжайшей дисциплины и напряженной работы! Тогда все у нас получится!

Глава города поджал губы и пристально оглядел столпившихся вокруг него людей. Они молчали и прятали глаза. Легкий весенний ветер настороженно гудел в проводах, одинокий

бело-сине-красный флаг, крепко зажатый в руках невзрачного вида старушки в потрепанной дубленке, бился словно живой, невольно притягивая взгляд. Виктор Александрович внезапно ощутил себя страшно одиноким. И все обращенные на него взгляды были, как минимум, недоброжелательны.

– Ну раз вопросов больше нет, то до свидания, а вы расходитесь! Нечего мешать администрации работать!

Он повернулся, но не успел сделать и пару шагов, как в спину крикнули слезливым женским голосом:

– Мы что в прошлое перенеслись, как в книгах про попаданцев?

Виктор Александрович повернулся, разыскал взглядом спросившую – невзрачную женщину в розовом, поношенном пуховичке, похожую на перепуганную мышку.

– Пока не знаю, но, когда получу ответы, не стану ничего скрывать!

Глава снова обвел жестким взглядом окончательно притихшую толпу и твердым шагом направился к дверям администрации. В очередной раз победил, самодовольная улыбка пробежала по губам. Неожиданно что-то упало на плечо, скосил взгляд и брезгливо поморщился, на пиджаке зеленовато-желтая капля – «оросил» голубь. «По примете богатым буду!» – подумал саркастически. На ходу вытащив из заднего кармана брюк платок, вытер. Спустя миг скомканный лоскут материи полетел в урну у дверей. Его ожидало гораздо более важное – встреча с военными. Главное – убедить их подчиниться.

Глава 2

Появление в приемный Соловьева в миг охладило раскаленную, словно солнечная корона, атмосферу до абсолютного нуля. Яростный спор людей в погонах затих. Лица большинства бледные, в глазах плескалось замешательство. Всех их Соловьев неплохо знал. Сильные, слабые стороны, и считал заслуживающими уважения, но сегодняшние события их явно словно ударили пыльным мешком из-за угла. Мысленно усмехнулся: зрелище растерянности людей в погонах придало дополнительной спокойной уверенности в собственных силах.

Ошеломленные, полные ненависти, вопросительные – всякие взгляды скрестились на главе города. Это лишь кажется, что люди в погонах вне политики. В маленьком городе им волей-неволей приходилось с кем-то приятельствовать, а с кем-то враждовать. Вот немалая их часть и дружила с прежней администрацией города, да и Виктор Александрович с поистине медвежьей грацией успел отдавить немало любимых мозолей. Сильный порыв ветра закачал по-весеннему голыми ветвями тополя напротив окна, бросая причудливые тени на людей в форме.

Градоначальник энергично подошел к секретарше. Взгляд тоскливых глаз с потекшей косметикой поднялся на начальника, скоился в сторону зеркала. Ужас, как она выглядит! Пальцы с массивными перстнями, слишком крупными, чтобы быть золотыми, упали на столешницу.

Соловьев сжал бледные губы в злую ниточку и посмотрел на женщину осуждающе – не терпел, когда расклеиваются. У него самого сын остался в Москве, но он же не устраивает истерики!

Секретарша посмотрела на Соловьева виновато, машинально чуть ли не в узел завязывая прядь тяжелого узла волос. Нрав начальника она давно изучила и понимала, что серьезно проштрафилась в его глазах.

– Слушаю, Виктор Александрович, – произнесла тихо, почти прошептала.

– Вера, собери мне в кабинет замов и немедленно. – распорядился мэр, решив не упрекать за внешний вид.

– Хорошо, Виктор Александрович, – произнесла женщина убито в спину направившемуся в кабинет мэру и потянулась к телефону.

У двери градоначальник остановился. Повернувшись, натянул на лицо натуженную полуулыбку:

– Товарищи офицеры, прошу немного подождать, не больше десяти минут, мне необходимо отдать срочные распоряжения.

Дверь бахнула, закрываясь, люди в погонах вновь принялись обсуждать ошеломляющие новости. Один за другим, едва успев поздороваться с военными, в кабинет Соловьева торопливо влетели заместители. Слухи по администрации расползлись моментально, и в курсе фантастических новостей были все. Последней, на бегу кинув военным: «Здрате», торопливо прошмыгнула в дверь заместитель по социальным вопросам – унылого вида женщина далеко за сорок – типичный синий чулок. Градоначальник не обманул: не прошло и нескольких минут, как заместители с вытянутыми от удивления лицами, пулей вылетели из двери.

«Дзиль!» – телефон взорвался трелью, заставил нервно дернуться и замолчать. Взгляды скрестились на секретарше.

– Да? – подняла трубку, – Да, подошел... зовут... – скосила взгляд на блокнот на столе, торопливо перелистнула пару страниц, – Александр Степанович... хорошо.

Трубка легла на место, женщина объявила:

– Заходите, товарищи, глава вас ждет.

Длинный стол, вдоль выходящих на центральную площадь окон, горел отраженным светом полуденного солнца так, что еще немного и глазам будет больно. Дальше вглубь кабинета за письменным столом, с видом сосредоточенным и неприступным, торопливо писал в еженедельнике Соловьев. Везде идеальный порядок: просмотренные и не просмотренные документы лежали ровными стопками, а две ручки гармонично расположились в черном органайзере с краю – все выдавало дисциплинированного человека, тщательно следящего за своей территорией. На миг оторвавшись, бросил быстрый взгляд на входящих офицеров, буркнул:

– Садитесь, товарищи, – торопливо махнул рукой в сторону стола заседаний и вновь уткнулся в бумаги. Начальник таможни поздоровался, но Соловьев, не поднимая глаз от документов на столе, нетерпеливо махнул рукой, дескать, не до этого. Зашуршали отодвигаемые стулья, офицеры расселись. Несколько секунд прошло в молчании, потом мэр поднял взгляд – вроде все. Энергично поднялся и прихватив ежедневник со стопкой бумаг, пересел на высокое кожаное кресло во главе стола заседаний.

Расстегнул пиджак и тщательно подравнял принесенные документы. Потом оценивающе посмотрел на людей в форме. Сейчас все попали в одну лодку. Многие его, мягко говоря, не любили, держали дулю в кармане, дескать, кто ты такой, царек недоделанный, но в глаза никто не стал бы говорить. А выплывут или потонут, во многом зависело от того, сумеет ли убедить их подчиниться городской власти.

– Александр Степанович, – обратился к высокому худощавому полковнику в синей форме летчиков, – расскажите, пожалуйста, о результатах облета окрестностей.

Тот поднял тусклый взгляд, встряхнулся, сбрасывая угрюмую задумчивость, и хотел по привычке встать, но Соловьев остановил небрежным жестом, дескать, это лишнее.

– Докладываю! – сказал летчик нервным и оттого глуховатым голосом, – Борт RF – 95570 облетел окрестности города. За периметром в двадцать километров чужая земля; дороги и поля обрываются, словно ножом обрезали. Дальше голая степь, а на севере настоящая тайга, типа сибирской. Потом борт летал к областному центру, но ни его, ни других городов и деревень, не обнаружил. Доклад закончил.

Комок черной желчи подкатил к горлу, пытаюсь прорваться сквозь сомкнутые зубы. Только многолетняя военная закалка спасала офицера от нервного срыва. Мысли витали далеко от этого места. Он вспоминал дочь с шестилетним внуком. Неделю тому назад они уехала в Сочи. Как же рассказать жене о Переносе города? Теперь дочь с внуком все равно что умерли, они никогда больше их не увидят. Никогда, какое горькое слово...

За столом уже знали результаты облета окрестностей от самого летчика и встретили речь угрюмым молчанием.

Пальцы градоначальника нервно забарабанили по столу, быстрые, стремительные, словно лапки охотящегося паука. Секунду поразмышлял, затем посмотрел в усталые глаза летчика.

– Плотина электростанции с водохранилищем-охладителем на нашей земле?

– Так точно, – мрачно произнес летчик и, торопливо вытащив платок, откашлялся.

– Это хорошо. – мэр незаметно выдохнул воздух и кривовато улыбнулся. Значит будем с электричеством. Уголь поблизости подходящих для электростанции марок найдется. И его много. Еще немного подумав, спросил:

– А людское жилье, чужое, – выделил интонацией последнее слово, – экипаж обнаружил?

– Да, видели стойбища из чумов, по типу тех, в которых живут северные народы, и какие-то оборванцы вокруг.

– Ну и куда мы попали? Кто-нибудь может объяснить? Надеюсь, сам факт Переноса города с окрестностями сомнению не подлежит? – Мэр оглядел угрюмо молчащих офицеров, затем упер тяжелый, пронизывающий взгляд, каким хищник, готовясь к прыжку, смотрит на жертву, в лицо летчика и с силой прижал ладонь к зеркальной поверхности стола.

– Я не знаю. – тихо ответил подполковник, взгляд опустил на столешницу.

– Хорошо... – мэр кивнул и небрежно откинулся в кресле. – Фотографии окрестностей додумались сделать?

– Так точно, – проронил полковник, вялым движением достал из кармана куртки тощую стопку белых прямоугольников и передал Соловьеву.

Торопливо просмотрев фото и пару раз многозначительно хмыкнув, градоначальник передал их офицерам. Пока передавали из рук в руки фотографии и тихо говорили между собой, неторопливо выровнял лежащие перед собой листки бумаги, с лихорадочной поспешностью решая, как строить диалог. Он обязан победить. Сейчас или никогда! Давить, давить и убеждать в собственной правоте и необходимости подчиниться. Пока вояки не опомнились, взять их под контроль, иначе все планы пойдут насмарку. Сами погибнут и город погубят. Соловьев обвел сощуренными глазами офицеров. Те молчали, угрюмые взгляды обращены в стол. Градоначальник внутренне усмехнулся. Не им соревноваться с ним, половину жизни проработавшим в еще том гадюшнике – городской администрации, в искусстве подчинения людей.

– Значит так, мужики, я не господь бог и не знаю, где мы, но в одном точно уверен: мы не в России двадцать первого века. На другую планету нас перенесло или в другое время? Не знаю, пусть разбираются ученые. Главное, страны под названием Российская Федерация здесь нет, и это реальность, в которой предстоит жить дальше! Я глава города и для меня основное – любой ценой обеспечить безопасность, – он выделил голосом последнее слово, – и наладить материальную базу для нормального существования горожан. Мне и вам вместе придется этим заняться, или... Или мы все скоро погибнем.

– Кто нас перенес? Кто? – вскочил вдруг главный таможенник, весь багровый, – На свете миллион таких городишек! Почему, почему это случилось с нами? – суетливо вскинувшись, истерично повысил голос, – Или это какое-то природное явление? Пришельцы или гребанные потомки на нас эксперименты устраивают?

Офицеры непроизвольно переглянулись, их самих мучил тот же вопрос.

Вопрос риторический и не требовал ответа, но градоначальник вскинулся, словно ему противоречили.

– Я не знаю, но это и неважно, важно сейчас, – выразил интонацией последнее слово, – Выжить! Выжить и насколько это возможно сохранить научный и промышленный уровень.

Таможенник рухнул на стул, отвернулся к окну.

«Цзинь-цзинь», – звонко защебетала приземлившаяся на подоконник беззаботная весенняя птаха. Для нее ничего не изменилось: все так же пригревало солнце и количество червячков не изменилось, так чего горевать? А мелкие проблемы людей важны только им самим. Толпа перед окнами здания, недавно с азартом выкликавшая главу администрации, таяла, распалась, словно кусок сахара в кипятке.

Соловьев помолчал, в очередной раз поправил лежащие на столе документы, добиваясь их идеального выравнивания и сказал назидательно, проникновенно, почти по-дружески:

– Мужики! От нашего мира остался только город и его окрестности. Семьдесят тысяч горожан и несколько тысяч сельских жителей, которым необходима ваша защита. Есть тут враги, нет ли, я не знаю, но рассчитывать нужно на наихудший вариант. Они есть, и они сильны. Поэтому полагаю, что в связи с Переносом черт знает куда, вы должны перейти в подчинение городской власти. Только так мы сможем дать отпор любому врагу, – увесисто шлепнул рукой по столешнице. Всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит – так кажется, сказано в библии?

«Ловко», – заместитель начальника отдела ФСБ, не отрывал взгляд от большого желто-коричневого знамени города в дальнем углу кабинета, рядом со стягом России. Из потенциального сидельца Соловьев превращался в спасителя города и начальника для людей в погонах. Глянул на градоначальника, тот уловил этот взгляд, лицо на миг дрогнуло. В сейфе сек-

ретки отдела накопилось внушительное досье о незаконных делишках Соловьева, ждали только отмашку из центра – пустить в ход.

Молчание затягивалось. Из открытой форточки слышался приглушенный шум моторов.

Перспектива превратиться из привилегированных федералов и областников в подчиненных городской администрации не радовала. Это и снижение статуса, и повседневный контроль, в то время как командиры успели привыкнуть к самостоятельности. Из Москвы или областного центра все не проконтролируешь. Тем более что еще тлела надежда: Перенос не навсегда, немного потерпеть, и они вернутся назад, и жизнь возвратится на привычные рельсы.

Начальник пожарного гарнизона нахмурился, машинально почесал бритый затылок и поднял руку. Дождался кивка Соловьева и поинтересовался:

– Вы полагаете, что обратный Перенос невозможен?

– Полагаю, – Соловьев криво усмехнулся и небрежно отчеканил, сверкая от возбуждения глазами, – Если я не прав, то и слава богу, но исходить следует из худшего. Из того, что мы застряли здесь навсегда и действовать соответствующе. Все согласны?

Молодой, едва за сорок, подполковник, командир радиолокационного батальона, вскинулся, словно бойцовский петух. Смерив Соловьева неприязненным взглядом, рубанул с плеча:

– Мы давали присягу России, а не городу. И у меня нет приказа переходить в подчинение городской власти!

С градоначальником у него сложились непростые отношения. Еще на первом сроке у власти Соловьев обещал выделить землю под дачные участки офицерам батальона, но нарушил свое слово. Офицер тогда не сдержался и высказал все, что думал о градоначальнике. «Доброжелатели» немедленно донесли Соловьеву, он даже ездил в штаб округа, жаловался и просил убрать неугодного командира. Но генералы лишь посмеялись над излишне деятельным главой муниципалитета.

Несколько мгновений мужчины мерялись взглядами, потом Соловьев не выдержал и отвел глаза, левое веко едва заметно дернулось. И тут же, спохватившись, что это могут истолковать как непростительную слабость, густо побагровел. На память он не жаловался, врагов помнил хорошо и никогда не забывал. Глянув на локаторщика взглядом, подобным уколу острозаточенных стилетов, сказал лязгающим металлом голосом:

– Приказ? А какой может быть приказ если ваше командование осталось неизвестно где? Может пора голову включить? – казалось, мэр обращается лично к локаторщику, но тут он широко махнул рукой, привлекая общее внимание, – И не забывайте, что речь идет о выживании города, вас самих и ваших семей. Присягу принимали защищать Россию? Так защищайте ее, сейчас вся она – это город и его окрестности! Или мы будем вместе, одним кулаком, – он приподнял крепко сжатый кулак над собой, махнул рукой, словно разбивая неведомую преграду, – или нас переломают поодиночке! Делом докажите, а не трескотней, что вы патриоты, а не балаболки!

Соловьев медленно обвел взглядом застывшие лица военных, зрачки сузились, продолжил:

– И не забывайте, что вам, как и любому другому жителю города, необходимы продукты питания, тепло зимой, вода, свет. Город будет вас обеспечивать всем необходимым, а вы станете сидеть на его шее и ждать приказа неизвестно от кого? Не бывать такому!

Торопливо глотнув, облизал пересохшие губы.

«Крыть – нечем, он прав...» – багровый, как варенный рак, подполковник – локаторщик катнул желваками и отвернулся.

– На ближайшие дни... и годы... безопасность и развертывание производства всего необходимого для выживания – это главная задача, – градоначальник сказал, как обрезал.

Начальник горотдела полиции, пару минут с напряженным вниманием что-то читавший в телефоне, воспользовался паузой:

– Р-разрешите? – глаз конвульсивно дернулся, заикание – это были последствия контузии во время командировки в Чечню. дождался кивка Соловьева, поправил очки и, глядя на экран телефона зачитал: «На Гончаровке н-наряд задержал подозрительного бомжа на коне, по-русски не понимает, говорит на языке, напоминающем башкирский», – полицейский оторвал взгляд от экрана и протянул с задумчивым видом, – п-похоже, попался абориген.

Гончаровка – район города с малоэтажной (частной) застройкой.

Лица офицеров, до этого неподвижные, ожили. Тревожно зашептались. Если попался местный житель, то появился шанс узнать, куда же город попал.

– Хорошо, – Соловьев наклонился над столом и пометил в еженедельнике, – Жду от вас информации куда мы попали и кто вокруг нас.

– Д-доложу, – согласно наклонил рано поседевшую голову начальник полиции, пальцы набирали на телефоне текст. Хотя формально полиция и не подчинялась местной власти, но ее финансирование шло в том числе и от муниципальных властей, а кто платит, тот и заказывает музыку. Главный городской полицейский давно привык учитывать мнение администрации.

– Да и пусть медики проверят, не хватало еще чтобы какую-нибудь заразу принес! – мэр бросил пристальный взгляд на офицера, поднявшего голову, но на лице того читалось только внимание. Кивнув, он продолжил набирать текст.

– Виктор Александрович, – вновь обратился начальник пожарных, – нам будет проще принять решение, если вы озвучите свои предложения что делать нам и городу.

Градоначальник на миг замер, затем согласно наклонил голову.

– Ну что же, это разумно. Начнем с того, что действовать я буду максимально жестко! Иначе не выживем. Продовольствия в городе мало, максимум на три-четыре недели. Точное количество сейчас выясняют, поэтому все консервы будем закладывать на хранение на крайний случай и переходить на карточную систему. На комбинате хлебопродуктов и мясокомбинате есть значительные запасы мобилизационного резерва, их реквизируем и будем искать местные источники продовольствия. Раз есть люди, то их не может не быть! Продержимся до осени – выживем, район засеет все, что только возможно. Что касается огородов – всем желающим десять соток, пусть сажают овощи и фрукты. По углю и электричеству: уголь придется экономить, да все придется экономить, пока не доберемся до местного сырья. Запасов электростанции хватит месяца на два, не организуем за это время доставку угля, перемерзнем, а кто выживет, скатится в средневековье. Пока все, остальное после того, как разберусь в обстановке.

Военный комиссар: румянощекий, с хитрыми маленькими глазками, его недавно выбрали в городское собрание депутатом и, по слухам, он был близок к градоначальнику, поднял руку.

– Ну что, по-моему, дело ясное, – заалел, словно девица на выданье, зачастил, почти проглатывая слова, – я за предложение Виктора Александровича!

Офицеры переглянулись. На лицах весь спектр эмоций: от надежды до скепсиса. Но все понимали: в критической ситуации город должен возглавлять сильный управленец, который пользуется доверием и поддержкой большинства, а рознь и склоки неминуемо приведут к гибели. Одни считали Соловьева радетелем за город, некоторые – жуликоватым чиновником. Но в деловой хватке, организационном таланте и знаниях сложного городского хозяйства и те, и другие не сомневались. Он был лучшим, из возможных, кризисным управляющим для города попаданцев. С другой стороны, он недавно избрался, стало быть, имел нерастраченный кредит доверия населения. Первыми подняли руки полицейских и начальника пожарных, после недолгих колебаний, остальные. Иного выхода они не видели.

Соловьев восседал с прямой спиной, словно палку проглотил. Глаза зажглись торжеством – у него в очередной раз все получилось! Да он гений! Но ни единый мускул на лице не дрогнул, только растянул сухие губы в снисходительной улыбке:

– Благодарю за принятое правильно, – сказал негромко, выделив последнее слово голо-сом, но как-то так, что все услышали, – решение и информирую вас, что сегодня же предложу депутатам дополнить штат администрации должностью заместителя главы по военным и внутренним делам, кандидатом на нее я вижу вас, Степан Алексеевич! – Соловьев кивком указал на военкома, – Вы не против?

Военком еще больше зарделся, попытался сохранить серьезное выражение лица, но не выдержал, расплылся в самодовольной улыбке. Подскочил, уставился на благодетеля глазами преданного пса:

– Так точно, не против. Спасибо за доверие! – сказал с придыханием.

К власти, пусть небольшой, в качестве депутата городского Собрания, он пришел в команде нынешнего градоначальника, и вновь убедился, что правильно выбрал за кого играть.

– Александр Степанович! – обратился мэр к командиру вертолетного отряда официальным тоном, – Организуйте, пожалуйста, облет окрестностей по максимально возможному радиусу.

– Хорошо, – подполковник угрюмо кивнул и вновь опустил взгляд в стол.

– Ну все, товарищи, – Соловьев махнул рукой, тонкие губы раздвинул в ледяной улыбке, – по рабочим местам.

И тут же добавил, обращаясь к фсбшнику и, пародируя Мюллера из «Семнадцати мгновений весны»:

– А вас, Олег Аркадьевич, я попрошу остаться.

Тот повернулся. Градоначальник подождал пока закроется дверь за последним офицером и произнес, неприятно кривя блеклые губы:

– Я знаю у вас есть на меня наблюдательное дело. Принесите его, пожалуйста.

Для него не было секретом, что на всех глав местных самоуправлений ФСБ вело наблюдательные дела.

Лицо фсбшника ничего не выражало, несколько мгновений тяжело молчал, потом бесстрастно ответил:

– Хорошо.

– Минут десять вам хватит, чтобы доставить его в мой кабинет?

– Хорошо я сейчас пришлю. Я могу идти?

Градоначальник кивнул. Едва фсбшник закрыл за собой дверь, вытащил платок и обтер мокрую, словно в бане, шею. Разговор, особенно концовка, тяжело дались, но все получилось! «Ну я и монстр», – думал с ликованием. Спустя десять минут, он сидел в кресле комнаты отдыха и изучал принесенную секретчиком отдела ФСБ папку. Вздыхал, матерился сквозь зубы, скрипел зубами. Потом собственноручно уничтожил ее. Он не знал, что в личном сейфе начальника отдела лежала копия дела. По указанию Москвы ее подготовили для отправки в столицу для принятия по градоначальнику решения. Возбуждать уголовное дело или подождать пока поглубже увязнет в криминале?

К трем часам после полудня на улицах появились совместные армейско-полицейские патрули. А у ворот важнейших городских объектов встала вооруженная охрана из сотрудников МВД. Все автозаправочные станции опечатали, исключение составила АЗС на территории городского автобусного предприятия, но туда могли заехать только их собственные автобусы да автомобили по списку администрации. Совместные комиссии из вооруженных полицейских и «наскипидаренных» чиновников поехали по городу. К засевавшему в кабинете Соловьеву, словно в центр раскинутой по городу паутины, стекались доклады. В продовольственных магазинах, несмотря на скандалы торговцев и собственников, консервы и продукты длительного

хранения изымали под расписку и отвозили на склады. Свои действия полицейские обосновывали введением в городе режима «Чрезвычайной ситуации» и приказом начальства.

Вечером, когда после работы взбудораженные жуткими слухами горожане возвратились домой, неожиданно «проснулись» телевизоры. На экранах появился Соловьев. Лицо – необычайно серьезное. Он объявил о Переносе города неизвестно куда. Подождав немного, пока горожане опомнятся от невероятных известий, продолжил:

– Уважаемые горожане! В ночь Переноса один из аборигенов напал на пожилую жительницу города и тяжело ранил ее. Сейчас женщина лежит в реанимации. Так что за городской чертой цивилизация заканчивается, потому, что для местных мы скот, будущие рабы или отродья нечистой силы.

Речь идет о самом нашем существовании, и я выражаю уверенность, что в этих нелегких условиях горожане проявят сознательность и сплотятся вокруг администрации! Чтобы выжить надо работать, работать и еще раз работать! На долгие годы придется забыть о нормированном рабочем дне, отпусках и прочих благах двадцать первого века. А городской администрации придется принять множество непопулярных решений, но только они дадут шанс на выживание! Каждый из нас должен требовать от себя и других дисциплины, организованности, самоотверженности. Делать все, чтобы получить шанс занять в этом мире достойное место.

Он немного помолчал, словно вглядываясь в лица телезрителей, затем продолжил:

– Горожане, друзья, наша земля бедна ресурсами, но вокруг нас богатейший Урал. В его недрах скрыта вся таблица Менделеева, и только от нас, от наших рук и знаний зависит, сможем ли мы построить необходимые нам производства или проедем доставшиеся нам ресурсы и погибнем! Пока новые предприятия не построили, я призываю к всемерной экономии любых ресурсов. Каждый целлофановый пакет, металлическое изделие, одежда, да все вокруг нас не воспроизводимы в ближайшие годы и должны всячески сберегаться, а после использования идти на переработку. Вспомните о старинных вещах, оставшихся от бабушек и дедушек. Механическая мясорубка или швейная машина, даже простая авоська, теперь представляют огромную ценность.

Соловьев еще долго рассказывал о дальнейших планах администрации, с цифрами в руках объяснял использование городских запасов и многое другое. Реакция ошеломленных горожан варьировалась от полного отрицания до банальных истерик и инфарктов, так что диспетчер скорой помощи вечером принял небывалое количество вызовов.

– Я уверен, что все трудности мы преодолеем и победим! – сказал напоследок и пошли городские новости, крутившиеся вокруг факта Переноса.

День истек к концу и на город падали тьма и мрак – для луны не сезон. Улицы выглядели странными, чужими – уличные фонари не горели – в целях экономии приняли решение их не включать пока не наладятся стабильные поставки местного угля на ГРЭС. Изредка доносился гул моторов и мрак разгоняли фары автомобилей, спустя секунды все снова поглощала ночь.

В администрации по-прежнему горели окна. Сквозь зубы проклиная Соловьева, чиновники оставались на рабочих местах. Как уйдешь, когда градоначальник на работе и ясно дал понять, что кто не хочет работать МНОГО, будет уволен? Соловьев собирался домой, когда зазвенел телефон. Слегка заикаясь от волнения, начальник горотдела полиции сообщил, что, наконец, смогли найти человека, который разобрал речь пойманного аборигена. Помог старенький мулла, башкир по национальности. Оказалось, что город перенесся из 2011 года в прошлое на башкирские земли в южных предгорьях Урала в 1109 год по мусульманскому календарю или в 1689 год по-христианскому. В России царствовал, но не правил Петр первый, а главная в Кремле – Софья его сестра.

Старинный торговый и сельскохозяйственный городок, основанный на Южном Урале первыми русскими поселенцами, был почти ровесником эпохи, куда его перенесло – его основали в самом начале восемнадцатого века на старинном караванном пути из Средней Азии на

Урал. Веками город жил торговлей и сельским хозяйством, окружающие плодородные земли и умеренный климат давали возможность выращивать богатые урожаи пшеницы, разнообразные овощи и фрукты. В советское время металлообрабатывающие заводы, эвакуированные во время войны, стали основой его промышленности. Город, процветавший во времена СССР, после развала союза захирел, население уменьшилось с 80 тысяч человек до едва 70 тысяч. Заводы, силой вырванные из общесоюзных производственных цепочек, влачили жалкое существование. Вместо производства готовых изделий занимались ремонтом: моторный – двигателей, электротехнический – почти любых электротехнических изделий.

Следующим утром силовиков собрали, и командиры предложили выбор: продолжить службу или уйти на гражданку. Для лейтенанта Петелина выбор был без вариантов – служить дальше. Какая разница для любого, в ком бьется русское сердце, кому служить, России, Российской империи, СССР, Российской Федерации, городу – это одна и та же страна. Главное служить доблестно, так чтобы или грудь в крестах, или голова в кустах! В результате продолжили службу не все: десяток майоров и подполковников стали лишними, их безжалостно уволили на гражданку. Тех, кто успел набрать двадцать лет службы, досрочно отправили на пенсию.

Соловьев воспринял Перенос как вызов собственным способностям управленца и развел бурную деятельность, истово оправдывая кредит доверия горожан, стараясь делами доказать сомневающимся, прежде всего из городской верхушки, что он идеальный кризисного руководителя и обеспечит выживание города. В то же утро собрал в актовом зале подчиненных и «порадовал», что отныне рабочий день – десять часов, а выходные с отпусками временно отменяются. А кому не нравится, он никого не держит, но и всему городу вскоре предстоит работать в подобном режиме. Осмелившихся уйти нашлось всего несколько человек.

А Соловьев продолжил «ломать» город через колено. В магазинах «Охота и рыбалка» и оружейном все холодное и огнестрельное оружие конфисковали под расписку и вывезли на склады воинских частей. Другие посланцы администрации описали содержимое аптек и городского медицинского склада. Магазины, торговавшие компьютерной техникой и средствами малой механизации, опечатали до дальнейших распоряжений. Протестовавшим против самоуправства хозяевам магазинов не помогли ни грозные знакомства, ни бурные истерики: посланцы администрации были непреклонны, а Соловьев возмущенные звонки игнорировал.

Перед обедом состоялось внеочередное совещание городского Собрания. Соловьеву мобилизовал на него сторонников, а колеблющихся запугивал неизбежным, если не принять чрезвычайных мер, хаосом. Сам дважды обращался к депутатам с короткими, но эмоциональными речами. Он давил, давил и еще раз давил! Большинство депутатов когда-то состояло в КПСС, затем в многочисленных провластных партиях, но по-настоящему они не разделяли ничьих убеждений, зато были донельзя прагматичны, разделяя принцип: не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей.

Не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей. Слова одного из лидеров Китайской Народной Республики Дэн Сяопина (1904—1997).

Предложенные мэром преобразования выглядели разумно, а он сам имел репутацию бескомпромиссного, но умелого управленца и после непродолжительного, но яростного спора с оппозицией Собрание приняло постановление:

«О сложившейся в городе экстраординарной и чрезвычайной ситуации»

В соответствии со ст. 2, 3 Конституции Российской Федерации, ст. 3 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», в связи с

сложившейся экстраординарной и чрезвычайной ситуацией в городе, связанной с переносом его территории в семнадцатый век, и в целях гарантирования прав, свобод и жизни жителей города

Собрание депутатов города РЕШАЕТ:

1. Возложить на Собрание депутатов функции высшего законодательного органа города.
2. Установить, что на территории города действует Конституция и законодательство Российской Федерации, в части не противоречащей нормативным актам города.
3. Утвердить Временное положение о Режиме чрезвычайного положения (Приложение 1).
4. Ввести на территории города Режим чрезвычайного положения с 21 апреля 1689 г.
5. Юридическому управлению администрации подготовить проект нового Устава города до 1 мая 1689 г.
6. Утвердить Положение о временных полномочиях администрации города (Приложение 2).
7. Утвердить Программу действий по промышленному и сельскохозяйственному развитию территории города (Приложение 3).
8. Настоящее решение вступает в силу с 21 апреля 1689 г.

Председатель Собрания В. К. Серебро

Собрание предоставило почти диктаторские полномочия мэру, утвердив его программу действий:

- Создание и оснащение крепкой армии, способной защитить город;
- Развитие сельского хозяйства: растениеводство, разведение птицы и свиноводство, самообеспечение города основными видами продовольствия;
- Разработка богатейших месторождений Урала и его окрестностей;
- Развитие промышленности до уровня, как минимум, середины 19 – начала 20 века, прежде всего военной промышленности и металлообработки;
- Создание черной и цветной металлургии, химической промышленности и фармакологии.

Структура управления города приняла следующую конфигурацию. Во главе исполнительной власти стоял мэр, полномочия которого существенно расширили, но власть его была далеко не диктаторской. Законодательную представляло Собрание депутатов города, а судебную – городской суд, руководствовавшийся решениями Собрания депутатов и российским законодательством в части, не противоречащей решениям законодательной власти.

Новой жертвой городской власти стали банки и федеральное казначейство. Их объединили в казначейство и подчинили заместителю градоначальника по финансам. Вечером она выступила по телевизору и объявила, что банкноты Российской Федерации продолжают использоваться до их обветшания и замены металлическими монетами и банкнотами, которые планировало выпускать городское казначейство.

Еще одним решением Собрание депутатов подчинило администрации предприятия, хозяева которых оказались за пределами города. А чтобы не терять времени на сборы руководителей, решение спешно размножили и заверенную копию развезли по предприятиям.

Директорский корпус воспринял решение о переподчинении администрации с явным энтузиазмом – при всех печальных последствиях Переноса, он давал шанс на возрождение заводов. Их устаревший для двадцать первого века станочный парк и оснащение для семнадцатого были невероятным хай-тэком. Моторный и электротехнический заводы, железнодорожные мастерские и вспомогательные цеха электростанции делали стартовые позиции города в металлообработке крепкими, а молокозавод вкупе с хлебокомбинатом и мясоконсервным комбинатом позволяли наладить переработку сельскохозяйственной продукции. Плохо обстояло дело с легкой промышленностью – всего несколько частных цехов по изготовлению мебели

и небольшая швейная фабрика. Так что, несмотря на разрыв технологических связей, а производство сложного изделия требует сотен и тысяч поставщиков, у города были все шансы наладить расширенное производство всего необходимого для армии, промышленности и тысяч мелочей, необходимых для нормальной жизни горожанина двадцать первого века.

На электростанцию – градообразующее для города предприятие, Соловьев приехал лично. Догорал багровый закат, когда служебный мерседес мэра остановился у металлических ворот предприятия. С директором станции, одним из самых влиятельных людей в городе, у Соловьева сложились «сложные» отношения. До Переноса тот стал спонсором каждой местной фронды и сыграл немалую роль в первом отстранении Соловьева от власти, а на память Виктор Александрович никогда не жаловался. В тоже время тот слишком влиятелен, чтобы не обращать на него внимания. Кроме колоссальных денег, директор опирался на многотысячный коллектив, возможность шантажа неподачей тепла и электроэнергии в город и собственный силовой ресурс – вооруженную охрану. Так что фигура очень серьезная.

Директор без проволочек принял Соловьева в кабинете, даже более роскошном, чем у Соловьева. Разговор произошел откровенный и жесткий. Пришлось подробно раскрыть план переустройство жизни города и дать гарантии от преследования политических противников. Благоразумие взяло вверх – бунт на тонущем корабле опасен для всей команды: от капитана до последнего матроса. После некоторых колебаний директор принял условия администрации – фактическую национализацию ГРЭС при условии, что он по-прежнему ей руководит. Пожав друг-другу руки и, тем скрепив вынужденный союз, они перешли в зону отдыха. Высокая, блондинистая секретарша расторопно накрыла богатый и даже изысканный стол и удалилась, одарив на прощание слащавой улыбкой. Усадив дорогого гостя в кресло, хозяин кабинета рассыпался в комплиментах и в уверениях, что станция полностью подчиняется администрации. Незримые подковверные игрища имеют неписанные, но от этого не менее незыблемые правила, поэтому Соловьев внешне вполне благосклонно принимал эти заверения, и только торжествующе блестящие глаза выдавали подлинные эмоции. Согласие одного из руководителей городской фронды было знаковым сигналом, означавшим безоговорочное поражение противников.

Из всех директоров один руководитель мясокомбината, точнее оставшегося после всех обрезаний и сокращений 90-х годов небольшого огрызка в виде мясоконсервного цеха, отказался подчиниться и нагло расхохотался в лицо посланцу администрации. «Варяг», недавно приехавший в город, не представлял местные властные расклады и привык во всем полагаться на покровительство оставшихся в двадцать первом веке реальных хозяев производства из Москвы. Мелкий чиновник администрации посмотрел на директора взглядом, каким смотрят на обделавшегося несмышленища и, саркастически ухмыльнувшись, вышел из кабинета. Не успел победитель насладиться триумфом, как дверь с грохотом врезалась о стену. Два полицейских заскочили к директору. Послышались возмущенные крики, мат. Секретарша вскочила с кресла. При виде выволакиваемого под руки директора, с руками, скованными наручниками, громко ойкнула, но, наткнувшись на многообещающий взгляд одного из полицейских, искусно изобразила обморок. Полицейские вытащили на улицу ошарашенного директора и затолкали в патрульную машину. Вечером бедолагу выпустили из КПЗ, но в его кресле уже сидел бывший заместитель, оказавшийся более понятливым. В тот же день на освободившуюся должность его назначил градоначальник.

На следующее утро в актовом зале здания администрации едва хватило мест. Собрался актив города: мэр, финансово-экономическое и торгово-промышленное управления администрации, директора предприятий и частные предприниматели, активисты и заслуженные горожане. Первым к трибуне вышел градоначальник. Говорил перед непривычно притихшей аудиторией спокойно, по-деловому и ставил первоочередные задачи в области экономики. Прежде всего наладить производство огнестрельного оружия, как стрелкового, так и тяжелого, создать металлургию, как черную, так и цветную. В области химической промышленности – произ-

водство серной и азотной кислоты, соды и целого ряда других веществ. Наладить изготовление бумаги и множества необходимых современному человеку мелочей, начиная от ниток и мыла, заканчивая увеличением производством мебели. Провести обновление станочного парка и начать производство простейших, похожих на модели 20-х годов прошлого века, автомобилей и тракторов.

После него к трибуне вышел руководитель торгово-промышленного управления, затем директорам выдали утвержденные мэром задания по выпуску продукции и налаживанию новых производств. После этого их отпустили, а частные предприниматели остались. После недолгих споров бизнесмены определились, кто и что будет выпускать и получили одобрение от главы торгово-промышленного управления.

Жизнь горожан в первые дни после Переноса разительно изменилась, но население восприняло это довольно спокойно. Люди понимали, что перемены неизбежны и, даже необходимы. Только кучка вечно недовольных злобно пророчествовала наступление «сталинских» времен. Помимо отсутствия в жилых районах с вечера до шести утра электричества, что приводило в неистовый гнев любителей «ночной» жизни, с улиц исчезли легковые автомобили – без горючего не поездишь, зато появилось множество велосипедов. Даже грузовые появлялись на улицах гораздо реже, зато вооруженные патрули военных и полиции круглосуточно попадались на каждом шагу. В продовольственных магазинах и киосках ассортимент стал неизмеримо беднее. С прилавков исчезли консервы и другие продукты длительного хранения, что напомнило привыкшим к рыночному изобилию пенсионерам времена конца восьмидесятых. Частники, воспользовавшись моментом, попытались взвинтить цены до небес, но тут же нарвались на дикие по размерам штрафы, оперативно накладываемые полицией. Цифры на ценниках моментально вернулись к прежним значениям. Хуже стало с «культурной» жизнью. Вещавшее с утра и до отключения электроэнергии городское телевидение гнало вперемешку российские и зарубежные кинофильмы, изредка записи концертов и музыкальных клипов, а вечером городские программы. Но все это не могло заменить избалованным горожанам привычное информационное изобилие. Интернет отсутствовал и привыкшая к нему молодежь не понимала, куда себя девать в свободное время. Работавшие в обычном режиме Дома культуры и, единственный кинотеатр города были слабой заменой всемирной сети.

Что горожане безусловно одобряли, так это исчезновение с улиц безработных, тунеядцев и бомжей – их добровольно-принудительно направили на муниципальные работы. Кто шел сам, кто по направлению городского центра занятости, а кого и принудительно доставляли полицейские. Бывшие безработные строили линию обороны по периметру города: вслед за экскаваторами, копающими ров в человеческий рост, по весенней грязи шли землекопы. Лопатами и ручными трамбовками ровняли и укрепляли с внутренней стороны рва трехметровый вал; сооружали бетонные блокпосты на городских окраинах. Оставшиеся работники разбирали ставшие ненужными железнодорожные пути.

Подспели сообщения о результатах облетов окрестностей города по максимальному для вертолета радиусу. Вокруг немногочисленные стойбища кочевников да деревянные крепостицы местных князьков и никаких признаков человечества двадцать первого века. Ближайшие укрепления русских – в сотне километров ближе к полярному Уралу. А основные поселения дальше, около Камы. Там же находилась резиденция знаменитого купеческого рода Строгановых, почти самовластных владык русского Урала. Ничего не дало и недельное прослушивание эфира мощными радиостанциями городского радиоузла и военных: один треск атмосферного электричества. Стало окончательно понятно, что попаданцы попали из двадцать первого века в прошлое, одни.

И в центре всех этих изменений, словно паук посредине паутины, замер Соловьев. Он был в великолепном расположении духа, намеченные планы выполнялись и, если бы не упрямство районной администрации, был бы почти счастлив. На предложение объединить с городом

остатки района, глава районной администрации ответил категорическим отказом. И сельские депутаты, и их руководитель понимали, что гайки будут закручиваться с еще большим усердием, чем в первое пришествие Соловьева во власть. Да и становиться из влиятельных чиновников рядовыми гражданами они не хотели. Даже отсутствие силового ресурса – районный отдел полиции предпочел подчиниться городу, не помогло убедить нестоворчивых районников.

***

Прошло несколько дней, и люди – такова уж их природа, понемногу привыкли к мысли, что город перенесся в далекое прошлое. Наверное, нет таких испытаний, которые не выдержал бы русский человек, наверное, и в аду со временем по привычке и обжился.

Алексей Семенович или, как его звали приятели и заслужившие его уважения коллеги из районной полиции, Семеныч, натянул на тощие ноги старые спортивные и осторожно прокрался мимо дивана, на котором спала жена. Хищные ноздри раздувались в могучем, в пору мужику, храпе. В такт могучим звукам на голове качались желтые бигуди. «Везет, выходной, а тут ни свет, ни заря тащись на службу».

На кухне поверх сверкающей молочной белизной газовой плиты, недавно купленной по настоянию супруги в кредит, «красовалась» пошарпанная, приобретенная как-то по случаю двухкомфорочная электроплитка. Семеныч включил электрическую конфорку, выставил нагрев на шестерку. Досадливо покосился на дорогую покупку, ставшую на кухне лишним предметом мебели – газовая система третий день как пустовала и, похоже, что в ближайшем будущем газ так и не появится. Чугунная сковородка легла конфорку. Придется ждать: пока старая плита накалится, времени пройдет уйма. Сокрушенно вздохнув, пошарил в холодильнике и ахнул. Да что это творится? Нет бутылки! От чертова баба, знала же, что утром понадобится опохмелиться!

Выпить Алексей Семенович любил и даже подводил под это философскую основу. Утверждал, что окружающая действительность мерзка и глядеть на нее нормальному человеку, тем более сотруднику полиции, трезвым взором совершенно невозможно. И что только принятые, но строго после работы или до – это принципиально, сто грамм дают ему силы жить в мире, где господствует несправедливость, задержки в присвоении заслуженных потом и кровью званий и живут разнообразие злодеи.

Спустя полчаса вышел из дома. На подъездной двери, посреди вздувшийся и облупившейся коричневой краски, которой когда-то покрасили дверь, белел бумажный лист с напечатанным ярко-алыми буквами объявлением. «Уважаемые жильцы! Просим до двадцать пятого апреля получить в ЖЭКе по адресу: ул. Ленина 25 продовольственные талоны на семью. Для получения талонов иметь с собой паспорт. Внимание! По распоряжению администрации города продажа продовольствия без талонов с двадцать восьмого апреля проводиться не будет!» «Так – Семеныч непроизвольно вздохнул, – дожились, снова талоны, как в конце 80-х». Разумом понимал, что в их положении это неизбежно, но сама мысль о талонах, которые ассоциировались у него с бедностью и безденежьем, претила. Еще раз внимательно перечитал объявление и покачал головой. «Надо не забыть позвонить клуше, когда проснется. Пусть сходит, получит талоны, где лежат паспорта она знает. А то останемся на бобах. С тем дурдомом, который сейчас в отделе, еще не известно, когда вернусь с работы». Алексей Семенович почти двадцать лет отдал службе в районной полиции, из них восемь участковым уполномоченным, так что о порядках в родном ведомстве знал все или почти все.

Стояло прекрасное весеннее утро, один из тех дней, когда хорошая погода установилась надолго. Огненный шар солнца невысоко поднялся над горизонтом, но уже жарило совсем не по-апрельски. Весело бежали по асфальту бурливые, коричневые, сверкающие ручейки. В тени многоэтажек, рядом с пробивающимися сквозь землю сочно-зелеными ростками, еще скрывались, потихоньку истекая водой, покрытые грязью и мусором сугробы. Сырой ветер без

устали размахивал по-весеннему голыми ветвями деревьев, дышал терпким запахом сырых ветвей, перегнивших листьев и весны. Улицы пустынные, только кое-где торопятся озабоченные прохожие, да вдали промелькнул полицейский патруль с автоматами. До отдела идти всего минут двадцать, так что Семеныч не стал дожидаться автобуса. Тем более, что по нынешним временам отсутствия в продаже горючего, городские автобусы ходили по маршрутам гораздо реже и набитые людьми словно селедками в бочке. Удовольствие ниже среднего.

Через пять минут Семеныч неторопливо – время позволяло, свернул на малолюдную в утреннее время улицу Советскую, славную старинными купеческими домами. Мимо проплыл знаменитый дом Васильева. Ходили легенды что лицо сфинкса, украшающее стену над центральным входом, имело портретное сходство с лицом первого хозяина дома, но Семеныч не верил в легенды.

Навстречу попался мужик с помятым лицом – сразу видно с ночной смены, дымил сигареткой. От этого зрелища рот заполнился тягучей слюной и непреодолимо захотелось курить. Пошарил в карманах, пачка «Winston», словно на зло, пустая. Семеныч невольно оглянулся. Предвидя дефицит табака, он приобрел у знакомых торговцев стратегический запас курева. Он даже остановился, но потом решительно махнул рукой. Не возвращаться же домой из-за сигарет! Впереди, у перекрестка, стояла бледно-зеленая коробочка киоска. С его хозяевами он был шапочно знаком – пересекался пару раз в гостях. К нему он и направился.

Неприятно поразил убогий, по сравнению с временами до Переноса, набор товаров: несколько разновидностей полулитровок газированной воды, печенье, конфеты, немного сигарет и все. Миловидная женщина с короткими прядями волос цвета созревшей пшеницы высунулась из узкого окошка.

– Здравсте, чем могу помочь? – осведомилась профессионально-приветливо.

Семеныч, наконец, вспомнил имя хозяйки. Белозубо улыбнулся:

– Здравствуйте, Танюша, Winston есть?

Печальные и умные глаза женщины несколько секунд озадаченно вглядывались в физиономию посетителя, потом лицо расцвело в дружелюбной улыбке. Вспомнила, где видела покупателя:

– Здравствуйте, Алексей! – повернулась к небогатому набору товаров, потом соболезнующее развела руками. – К сожалению, Winston кончился.

– А чего так, Танюша, полки совсем пустые?

Хозяйка ларька неопределенно пожала плечами:

– Оптовки порожние, везти совсем нечего и на базе выдают совсем по чуть-чуть.

– Да-а... такие дела. Жаль, буду искать, – Семеныч вздохнул.

– До свидания, – хозяйка исчезла внутри ларька.

Привык Семеныч к своим сигаретам, и переходить на другое курево не хотелось. Посмотрел на часы – время поджимало. «Ладно, глядишь, и найду где-нибудь по дороге».

Еще спустя час он сидел за рулем полицейской машины. За окном безмолвными серыми пятнами пролетали пятиэтажки, на обочинах стояли никому не нужные без масел и высокооктанового горючего импортные легковушки, пролетели колонны Дома Культуры – похожего, словно клон, на десятки собратьев в маленьких городках покинутого двадцать первого столетия.

Курить хотелось так, что скулы сводило. По дороге несколько раз останавливал знакомых полицейских из горотдела, благо, патрули встречались на каждом шагу, но, как назло, «Winston» ни у кого не оказалось. «Ладно, стрельну хоть что-нибудь на выезде из города, на пропускном пункте».

Пронзительно заскрипели тормоза, патрульная машина остановилась у сверкающих сталью ворот, в два человеческих роста, на выезде из города. Справа и слева змеился, скрываясь вдалеке, высокий земляной вал с рвом. Чуть в стороне от дороги стоял бетонный блокпост,

высотой с двухэтажный дом; темнели провалы узких бойниц, с угрозой смотревших на степь. Открылась дверь, неторопливо вышли двое с автоматами на плече. Один, в привычной полицейской форме, хозяйской походкой подошел к машине и потребовал документы. Его Семеныч не знал, видимо, из новеньких. Второй, в армейском камуфляже, остановился немного поодаль, контролируя действия водителя.

Семеныч предъявил пропуск на выезд, физиономия полицейского поскущнела. Поинтересовался, не на участок ли он едет и, получив утвердительный ответ, повернулся к блокпосту. Махнул рукой кому-то невидимому, дескать, открывайте ворота.

Курить хотелось так, что Семеныч согласен был даже на самосад. Не успели полицейский отойти, как прокричал в открытую дверь:

– Такие дела, браток, куревом не богат, а то забыл дома?

Полицейский остановился, дернул уголком рта. Из кармана форменных штанов появилась пачка, в которой сиротливо лежали несколько мятых сигарет. Не «Winston». Но хоть что-то!

Сглотнув горькую слюну.

– Возьму парочку?

Тот все также безмолвно кивнул, спрятав пачку назад, направился в блокпост.

– Спасибо! – бросил Семеныч вслед.

В Малаховке и Новобуженке, ближайших деревнях участка, обстановка нормальная, насколько это возможно после Переноса в прошлое. Электричества нет, но его обещали в ближайшие дни подать. К Селинной, очередному пункту маршрута, поехал ближе к обеду, планируя там и перекусить у бабы Маши. На заднем сидении лежала сумка с продуктами – загодя купил, чтобы не сидеть на шее у старушки.

Погода менялась. Пол неба закрыли зловещие космы черных облаков, но солнце еще светило и в этом смешении света и напалзающей тьмы было что-то зловещее.

С шоссе в деревню вел грунтовый съезд. Тянулись тоскливые, с остатками грязных сугробов, поля, деревья в крохотных рощицах бестолково размахивали на ветру потемневшими от весенней влаги ветками. Маленькая, дворов на тридцать, умирающая деревушка пряталась за вереницей небольших холмов, из-за этого мобильная связь там и до Переноса была неустойчивой.

Деревня возникла внезапно. Чернели старые и обширные сады на окраине, давным-давно заросшие бурьяном и неухоженные, но, достаточно живописные, чтобы своим картинным запустением освежать вымирающую деревню. Потянулись деревянные домишки: мертво застыли в брошенных избах окна в грязных подтеках, калитки распахнуты настежь; заборы покосились, почернели амбары и навесы. Чувствовалось, что давно они не видели хозяйской руки. Только в центре несколько обитаемых изб. Население деревни: в основном старики и старухи по вечерам собирались там, разговаривали – о жизни, о том, что уже прошло и, о том, что будет. Лишь летом деревня была полна жизни – возились с ребятишками, их привозили уехавшие в города дети.

Разбрызгивая уличную грязь машина проехала вдоль потемневшего от непогоды деревянного забора и остановилась, разбрызгав дорожную грязь, у покосившейся калитки. Дальше серела ветхая изба, ремонт ей не помешал бы еще лет десять тому назад. Жила там, а точнее доживала век в бедности и одиночестве старуха – баба Маша. Несмотря на все выпавшие на ее долю невзгоды, она была гостеприимна и рада любому. Участковый частенько заходил к словоохотливой старушке поболтать за жизнь и узнать немудреные деревенские новости.

Семеныч осмотрелся. Никого. «А где люди? Да что у них случилось?» – подумал с недоумением и тревогой. Жизнь в глухой деревне скупа на события, поэтому деревенские не могли не заинтересоваться появлением посторонней машины. Неожиданно, здоровенный, откормленный ворон, черный, как безлунная ночь, взвился в небо, поджав ноги, закружил над дво-

ром, словно над падалью. Полицейский вылез из машины, хлопнула дверь, неуклюже забросил на плечо непривычный груз: автомат. Хриплое карканье и больше ни единого звука, только ветер зловеще шуршал ветками деревьев. От мрачной картины стало как-то не по себе.

Калитка была не заперта. Толкнул, шагнул внутрь и замер.

В паре шагов от приоткрытой двери избы, в наполовину впитавшейся в землю алой луже лежал исклеванный воронами труп полугодовой дворняжки. Страшной силы удар почти напополам перерубил хребет несчастного любимчика бабы Маши, бесстыдно обнажив снежную белизну ребер и красноту мышц. На краю лужи впечатался в землю отпечаток обуви, алый след вел к двери. Изба всматривалась в мир черными окнами-провалами.

Холодок страха мягкими заячьими лапками пробежался вдоль спины.

Кто убил пса? Какие-то отморозки или может сбежавший зэк отметился? Или... кто? Мысли с бешеной скоростью сменяли друг дружку.

И что с бабой Машей?

Ноги стали ватными, словно к ним привесили пудовые гири.

Автомат, словно живой, слетел с плеча. Полицейский судорожно слотнул и огляделся.

Густые кусты у забора подозрительно зашуршали. И оттуда словно кто-то посмотрел в спину голодным взглядом.

Резко повернулся. Несколько секунд всматривался, затаив дыхание.

Никого... Показалось. Воздух судорожно вышел из груди.

Почудилось, что за дверью поджидает что-то жуткое. Семеныч судорожно слотнул горькую слюну. Трусом он не был – в Афгане, да и на службе повидал многое, но резкий переход от спокойной жизни к чертовщине мог вывести из себя кого угодно.

Ветер хлестанул с размаху, дверь пронзительно заскрипела несмазанными петлями, распахнулась настежь. Внутри избы все терялось в зыбкой тьме.

Семеныч вздрогнул и с силой обхватил цевье автомата. Это помогло собраться с силами, глаза превратились в узкие щелочки, в которых пылали страх и решимость.

Он наклонился и внимательно осмотрел труп несчастного кабыздоха. В раскрытой пасти сверкали клыки, словно тот до конца исполнял долг защитника. Потом Семеныча заинтересовал след в кровавой луже: с широким носком, какие не встречаются у современной обуви. «Аборигены отметились?» – мысль опалила.

Идти в избу отчаянно не хотелось, но выяснить, что произошло, его долг! Несколько мгновений собирался с духом. Осторожно ступая, обошел по широкой дуге кровавую лужу с трупом щенка и подошел к двери. Заглянул в полутьму. Белел раскрытый шкаф с пустыми полками; валялась перевернутая самодельная табуретка, на полу горка снежно-белого порошка и густой запах скотобойни, словно некто неведомый занимался разделкой туш. Семеныч сморщился.

– Есть кто? – спросил негромко. Нет ответа, злобные вороны крики с неба, – Эй, хозяйка, это я – участковый уполномоченный капитан Пахомов! – хрипло крикнул в полутьму. Гробовая тишина в ответ.

Постоял, оглядываясь по сторонам. Сейчас он вновь мальчишка, бегущий осенним утром на уроки. Безлюдная улочка темна, где-то в густой, угольной тени прячутся злобные монстры и кто-то на мягких лапах крадется следом...

Пробормотав матерно под нос, зашел в зловещую полутьму избы. Запах скотобойни усилился. Дальше, вглубь, вела цепочка смазанных кровавых следов. Амбре стояло такое, что слезы невольно выступили на глазах.

Под аккомпанемент скрипучих досок осторожно переступил порог кухни.

И остолбенел. То, что лежало на полу: пестрое, мокрое и красное было столь неестественным, что не сразу понял, что это.

У противоположной стены, на скомканном, измазанном алым самотканом половичке, лежала в позе эмбриона баба Маша. Скрюченные в судороге высохшие старушечьи пальцы вцепились в материю, будто сгребая его. Застиранный халатик бесстыдно распахнут; страшная, рваная рана над выцветшими панталонами, вскрыла живот, из него, отливая нежно-розовым и голубым, вылез спутанный и склизкий клубок змей; жирные навозные мухи, жужжа, вились над ним. Разум отказывался понять, что это. Спустя миг осознал, что на полу человеческие кишки. Мертвые глаза с алебастрового, словно у статуи, лица пристально смотрели в живого, будто спрашивая: ну что же ты милоч, не уберег меня?

Семеныч похолодел, попятился, запнулся о порог, дико вскрикнув, падая на пол и не отводя дикого взгляда от ужасной картины. «Вот откуда запах...» Спазм сжал горло словно волосным арканом, не пропуская ни звука.

Выскочил во двор. Завтрак стремительно поднялся к горлу, несколько секунд, тяжело дыша, пытался совладать с рвотным инстинктом, пока позывы не прекратились. Ему не раз приходилось видеть погибших, в том числе от огнестрельного оружия, но такое зверство видел впервые...

– Пей чайку, милоч, пей. В город за ним ездила, лучший купила. Со слоником, индийский!» – в памяти всплыл надтреснутый голос говорливой старушки. Пухлое, круглое и немного курносое лицо ее было большого, темно-желтого цвета, но бодрое и даже насмешливое, взгляд выцветших глаз живой, не старый.

Стояла осень. Раннее, тихое утро. Сад, уже подсохший, весь золотой. Они с бабой Машей чаевничали за столом во дворе.

Старушка подлила из фарфорового чайника с советским гербом на боку, им она гордилась – сам председатель колхоза им премировал, заварку в стакан Семенычу и подвинула тарелку с городскими пряниками – его вклад в чаепитие.

– Как же ты одна то здесь? А, баб Маша?

Старушка опустила бороду на сухенький кулачек поднятой руки и немного болезненно улыбнулась.

– Ничо, ничо, милоч, мы еще повоюем! Нас просто так со свету не сживешь!

Единственная дочь бабы Маши в молодости погибла в дорожно-транспортном происшествии. С тех пор женщина жила одна, но оптимизма не теряла...

– Твою мать... Суки! – прошептал полицейский в пустоту, судорожно сжимая в руках автомат, – вы за это заплатите!

Рука нырнула в карман и вытащила телефон, но на экране значок: отсутствие связи. Остервенело матюгнувшись, полицейский запоздало передернул затвор автомата и вновь нырнул в черный провал дверей.

Участковый обошел всю деревню. Всюду одно и то же: следы торопливого, но тщательного грабежа, при этом бандиты вели себя странно. Телевизоры, компьютеры не тронули, зато исчезла вся посуда, инструмент, ткани, любая, даже самая изношенная, одежда и продукты питания. Везде окровавленные трупы стариков, ни одного моложе шестидесяти, характерные следы странных сапог, а на земле четкие отпечатки конских копыт.

Семеныч сел в машину, прикрыв веки, откинулся на спинку кресла. Спустя минуту глаза открылись, в них кипел гнев, губы сжаты в тонкую, словно рубленную топором, линию.

«Такие дела... Девять человек! За что убили, за еду и старую одежду? Суки! Подождите, это вам так не пройдет!» Семеныч рванул ворот форменной рубахи и вновь матерно выругался. Это помогло собраться, белугой взвыл мотор, машина, подпрыгивая на ухабах и разбрызгивая грязные лужи, помчалась по грунтовке. Несколько минут, и машина взлетела на невысокий холм, остановилась, порывивая мотором. Значок на экране мобильного телефона показал – связь есть. Торопливо отстукал по клавишам номер дежурного РОВД, в трубке раздался зна-

комый голос. Семеныч разлепил искривленные судорогой губы, из глотки вырвался яростный крик:

– Говорит капитан Пахомов. У нас чрезвычайная ситуация!

***

«А вы, придурки, сопротивлялись! Деревне без города не выжить и, значит, это подтолкнет районную администрацию на объединение. Цинично? Не важно. Зато рационально!» Телефон аккуратно лег на столешницу, Соловьев откинулся в кресле. Он предусмотрел все, в городе безопасно, свет и цивилизация. Он воистину крут! От этих мыслей было хорошо на душе.

Рывком поднялся с кресла, стремительно подошел к открытому окну. Свежий весенний ветер охладил пылающую кожу лица. Разгар рабочего дня, перед администрацией никого, только на противоположном конце площади, у здания бывшего горкома, брела, опираясь на клюку, согнутая старушка. «Интересно, когда я увижу представителей района? Вряд ли придется дожидаться долго, они, несомненно, в курсе событий в Селинном».

Триумфальным маршем зазвенел рингтон на мобильнике, лежащем на столе.

Вернулся на место. Бескровные губы раздвинулись в победной полуулыбке. Так и есть, звонок от главы администрации района. «Я все заранее правильно рассчитал, да я гений!»

***

Солнце основательно перевалило через полдень, когда погода стремительно поменялась к худшему и оставалось только гадать – случайность это или такие резкие смены присущи Южному Уралу семнадцатого века? Природа единым махом перескочила из конца апреля в начало, и зазеленевшая старая и лезущая иглами молодая трава, крупно пожалели о торопливости. Завыл в проводах холодный северный ветер и принес последний привет зимы: холод и острый аромат влажной земли; хмурое, набрякшее небо готово заплакать холодным дождем. Температура упала, едва два-три градуса тепла.

На плацу никого. Только в курилке у входа в красно-серую коробку двухэтажной казармы ежились от пронизывающего ветра табачные маньяки. После обеда солдаты ушли в казарму, а до развода осталось минут пятнадцать. Александр, в прекрасном расположении духа шел из столовой в казарму.

На территории города дислоцировалось несколько кадрированных воинских частей – в этом ему повезло. Плохо было то, что все они были тыловые, а вертолетный отряд вообще относился к МЧС а городу нужны были боевые подразделения. Ремонтную базу объединили с радиолокационным батальоном. Получившегося мутанта пополнили людьми из вертолетного отряда и назвали мотострелковым батальоном. С оснащением было плохо – вооружение ограничивалось легким стрелковым и только в бывшей роте охраны вертолетчиков хранилось несколько пулеметов РПК. Зато повезло в том, что в боксах бывшей рембазы ждали ремонта сорок БТР-70. Почти все было возможно ввести в строй, беда в том, что в город техника прибывала без оружия.

По планам почти триста солдат и офицеров, вооруженных современными российскими автоматами и снятыми с хранения бронетранспортерами, должны составить ударный кулак вооруженных сил города.

Александр как служил командиром взвода – маломерки из десяти человек, так им и остался. Вот только тихие времена закончились, и дел, как говорил в известном боевике одесский милиционер Давид Гоцман, стало за гланды. Размещать пополнение, снимать с консервации бронетранспортеры и ставить на хранение технику локаторщиков, готовить из связистов и ремонтников мотострелков, все это отнимало уйму времени.

Время с утра до поздней ночи заполнили занятия по тактике, стрелковому делу и другим необходимым для выживания и победы предметам. Этакий ускоренный курс молодого бойца-пехотинца. И вели его пенсионеры – ветераны боевых действий, исповедовавшие суворовский принцип: тяжело в учение, легко в бою. Их, по распоряжению мэрии временно прикрепили к

батальону. Занятия ветераны вели без всяких скидок на возраст, звание и авторитеты. Александр и побегал с солдатами и пострелял, хотя и немного, патроны берегли, и вспомнил курсантские лекции по тактике. Так что, когда возвращался домой, стояла ночь. Терять время на готовку еды и дорогу не хотелось, поэтому последние дни он, как правило, кушал в части с солдатами. На незатейливый вкус вчерашнего курсанта там готовили вполне аппетитно и главное порции большие.

БТР-70 – советский бронетранспортёр – боевая колёсная плавающая бронемашина, предназначенная для транспортировки личного состава мотострелковых подразделений и их огневой поддержки, в том числе и в условиях применения оружия массового поражения.

Александр зашел в казарму, когда в кармане бушлата забился мобильный телефон. «Кто это? – губы расплылись в невольной улыбке – Оленька?» Первый раз он влюбился в шестнадцать в девочку на год старше. Младшеклассник показался амбициозной девице неинтересным и финал так и не начавшегося романа для Александра был печален. Чувства грубо отвергли, он долго страдал и только после военного ВУЗа влюбился во второй раз и «крышу» от страсти сорвало напрочь.

В девятнадцать часов он сменится и уйдет после суточного дежурства отдыхать. Поэтому утром позвонил Оле и договорился вечером встретиться и погулять по городскому парку. Александр вытащил телефон, на экране высветился номер дежурного по штабу. Молодой офицер разочарованно и с невольной тревогой вздохнул. Не дай бог снова свидание сорвется, Оля не простит!

– Слушаю, лейтенант Петелин, – представился по-уставному.

– Тащ. лейтенант, младший сержант Рудской, дежурный по штабу! – до противности бодро сказал срочник, – Вас вызывает командир базы! Срочно.

На миг сержант запнулся, сообразив, что сморозил глупость и немедленно зачастил дальше:

– Ой! Извините, не привык еще, что теперь мы батальон!

– Ничего страшного... – настроение стремительно портилось. Похоже, его ждал большой облом со свиданием, но тень надежды, что все как-то обойдется, еще оставалась. Помолчал, собираясь с мыслями, потом поинтересовался, – не знаешь, зачем вызывают?

– Нет, тащ. лейтенант!

В здании штаба пустынно, сквозь окна на свежепомытый пол падали квадратные пятна света. Вот и черная, дерматиновая дверь с табличкой «подполковник Изюмов С. В». Александр постучал негромко и отворил.

В глубине кабинета, за массивным столом, сидел командир батальона: густобровый, плечистый мужчина за сорок, с офицерской выправкой и могучими волосатыми руками. Густо плыл плотный, хоть топор вешай, сигаретный дым. Справа – серый квадрат сейфа. На стене позади офицера живой насмешкой над незадачливыми попаданцами висел портрет Президента России. На расстегнутом кителе Изюмова с противоположной стороны от медальной планки серебрился крестик ордена мужества, полученный за Чечню. Репутацией комбат пользовался строгого, который, как говорили в одном фильме, мехом наружу вывернуть может, но справедливому начальнику. Что называется, слуга царю, отец солдатам. Так что хотя академию не заканчивал, но звание подполковника выслужил честно.

– Разрешите?

Подполковник поднял голову и затушил сигарету о хрустальную пепельницу, полную окурков, махнул пару раз ладонью над столом, разгоняя вонючий дым.

– Заходи, лейтенант! – сказал густым басом, так подходящим мощной фигуре.

Александр остановился, не доходя пары шагов до стола.

– Товарищ подполковник! Лейтенант Петелин по вашему приказанию прибыл.

Командир не стал разводить долгих прелюдий, человек он был прямой, да и армейские порядки их не предполагают.

– Лейтенант, твой взвод сегодня – дежурная тревожная группа?

– Так точно, – ответил, напрягаясь, Александр, шансы на реализацию вечерних планов стремительно таяли.

– Значит, ехать тебе! Ориентирую. Напали на деревню Селинную, много погибших, часть населения исчезла. Следы ведут за границу зоны Переноса. Похоже, это местные. Полиция попросила помощи броней и бойцами.

Подполковник оценивающе посмотрел на подчиненного, на лице Александра мелькнула тень растерянности, Изюмов это заметил и едва заметно нахмурился.

Задание давало долгожданный шанс отличиться, но как же свидание? Оля убьет! Вчера с трудом уломал начавшую злиться на то, что ее парень вечно пропадает на службе, Ольгу на встрече. Такую подставу не простит!

– Значит так! Берешь свой взвод, в оружейке получишь автоматы и по четыре снаряженных магазина, бронники возьмите. На складе – сухпай на сутки, аптечки и перевязочные пакеты. В парке вас ждет «парадный» БТР, водитель мой. Выдвигаетесь к зданию райотдела полиции, там поступаете в распоряжение капитана Сеницына. Старший группы – майор Воробьев. Порядок связи, радиостанции – все у него. Задача сопроводить полицейских. При угрозе жизни применять оружие на поражение, но патроны экономить. В белый свет, как в копеечку, не стрелять! Вопросы есть? Вопросов нет!

– Никак нет! Есть вопрос... – Александр стиснул губы в злую, тонкую ниточку. Как назло, на ум стоящей причины «отмазаться» не приходило.

– Ишь ты. А какой вопрос? – буркнул командир с раздраженным интересом и положил сложенные «домиком» руки на столешницу.

Неловко переступив с ноги на ногу Александр, решил. Хитрить, врать показалось унижительным.

– Товарищ полковник! Не могу я сегодня, просто не могу... Встреча у меня важная и отменить не могу.

– С кем?

Александр упрямо сжал губы в тонкую ниточку.

– Повторяю вопрос, – Изюмов произнес с нажимом, – с кем такая важная встреча, что ты «не можешь» выполнить приказ?

Александр вздохнул тяжело, словно бросаясь головой в омут.

– С невестой...

– С невестой... – повторил Изюмов и неопределенно хмыкнул, причину он не одобрял, но понимал. Сам был молодой.

Не отпустит, понял лейтенант.

– Сейчас, лейтенант, считай, военное время, – вкрадчиво прозвучал начальственный голос, подтверждая правоту последней мысли Александра. С каждым словом голос Изюмова звучал сильнее, пока не зазвенел командирским рыком, – На раз за невыполнение приказа отправишься на гауптвахту, а потом под трибунал! Выполнять! Распустились тут! Надо же, не могу я. Мальчишка...

Александр сильнее сжал губы, против лома нет приема!

– Лейтенант, кру-гом! – в голосе звенела сталь.

Молодой офицер четко, как на плацу, повернулся.

– Бегом! – руки Александра согнулись в локтях. Скулы закаменели, Он ненавидел себя в этот миг, но не мог поступить по-другому. Слишком хорошо «вдолбили» в него воинскую дисциплину, – отставить! Кругом!

Командир крутанулся на кресле к металлическому сейфу и вытащил лист бумаги с печатью. Протянув Александру, буркнул намного мягче:

– Пропуск, жених! Без него не выпустят из города.

Едва комбат остался один, зазвонил телефон.

– Кто еще там? – рыкнул Изюмов и поднял трубку. Через миг черты лица расправились, ничего не говорило о прогремевшей только-что грозе.

– Да зайка... – сказал негромко и неожиданно мягко, голова дернулась вперед в утвердительном жесте, – как скажешь, зайка... конечно, постараюсь не задерживаться...

Спустя полчаса БТР остановился у бетонных блоков, перегораживающих дорогу к барачному, одноэтажному зданию районного отдела полиции. Майор-начальник штаба спрыгнул вниз, бросив высоким, почти бабьим голосом:

– Ждите меня, – поправил шапку, перепрыгивая масляно блестящие лужи на асфальте, направился к зданию.

Коротко переговорив на входе с полицейским с укороченным автоматом за спиной, вытащил из нагрудного кармана и предъявил документы, потом исчез за дверью.

Следом на раскисшую землю ловко, с шиком спрыгнул Александр. Налетел порыв сырого ветра, мокрые кусты обдали брызгами. Александр поморщился, отошел подальше и вытащил телефон. Набрал номер Оли. Долго слушал безответные гудки, нетерпеливо перетаптываясь на месте, и про себя молил: «Ну возьми же трубку!». Он уже почти отчаялся, когда в трубке послышался девичий голосок.

– Але, – сказала кокетливо. Судя по всему, настроение у Оли отличное.

– Привет. Тут это... не получится встретиться сегодня, – пробормотал смущенно, – Меня с тревожной группой отправили за город, не знаю даже когда вернусь.

– Вот как? – судя по голосу, настроение девушки стремительно изменилось. С кокетливого на желание поскандальить с незадачливым влюбленным, – ну если тебе дороже твоя тревожная группа, тогда и встречайся с ней!

Смущенная улыбка сбежала с лица Александра.

– Олененок! – попытался еще что-то сказать, но в трубке только гудки. Вообще-то Оля была хорошей и доброй девушкой и включала режим стервы редко. Скорее не из вредности, а чтобы жизнь медом не казалась.

Александр вновь набрал номер, но на это раз бесполезно. Тихо чертыхнувшись, положил телефон в карман, лицо исказила быстрая гримаса досады. Но все же служба была важнее чем женские капризы.

Из здания райотдела вышел начальник штаба, за ним мрачноватого вида полицейский капитан с рябым лицом и, махнул рукой, дескать – в машину, залез в БТР сам. Следом из открытых часовым ворот выехал уазик с полицейскими эмблемами. В него сел капитан. Внедорожник тронулся первым, следом БТР. Молодой человек мрачно смотрел в окно, на душе скребли кошки.

Кавалькада неслась, разбрызгивая лужи, по безлюдным – до конца рабочего времени еще несколько часов, улицам. Угрюмо и надменно вглядывались квадратами окон здания дореволюционной постройки центральной части, от они старости вросли в землю почти до окон первого этажа, потом пошли кирпичные и деревянные дома современной постройки. Десяток минут и пронзительно взвизгнули тормоза, автомобили остановились в нескольких метрах от серых, свежеекрашенных ворот КПП охраняемого периметра.

«Бум-Бум», – долбило по ушам, со стороны мясоконсервного комбината. Вокруг железнодорожных путей, ведущих к нему, суетились железнодорожники, в желтых жилетах, вместе с приданными в помощь разнорабочими. Пути разбирали круглосуточно, а освободившиеся рельсы складировали на станции. Планировалось, что их используют для строительства новых путей в казахстанские степи к будущему угольному разрезу.

Машины вырвались за город, проехав пару километров, свернули на ведущее на север, где в будущем возникнет областной центр, шоссе и, прибавили скорость. Наплывали и стремительно уносились назад полосатые километровые столбы. Слева и справа однообразный пейзаж, надоевший до оскомины: серые весенние поля, раскисшие, усеянные тающими остатками грязно-серых сугробов и черными, грустными столбиками нахохлившихся ворон. Весна старалась, но никак не могла нанести зиме окончательное поражение. Безлюдье. Лишь единственный раз проревел мимо трактор с мужиком в потертom ватнике в кабине. Позади фаллическим символом вздымался в стылое, серо-голубое небо трубы электростанции. Из средней вилась тонкая струйка быстро рассеивающегося дыма – все котлы, кроме самого маленького, потушили, да и тот работал в режиме строгой экономии.

Покусывая губы и бездумно смотря вдаль, Александр безмолвно переживал. Обидно, но он знал, что пройдет немного времени, настроение девушки переменится, и он вновь простит ее. «Дурак» – говорил себе, но понимал, что по-другому не сможет.

Шоссе оборвалось, колонна свернула на грунтовку. Машины сбавили скорость, козлами запрыгали по наполненным водой колдобинам.

... Суки.

Это слово вертелось в голове Петелина, когда они остановлюсь в деревне Селинная.

Девять человек, девять трупов, выложенных в ряд, лежали у забора, скрывавшего продрогшие весенние сады на, окраине деревни.

В благополучном двадцать первом веке мы забыли, как пахнут человеческие внутренности, вывалившиеся из вспоротого живота еще живого человека.

Мы забыли, как отражается небо в выцветших глазах срубленной головы старушки.

... Суки.

Те, кто это совершил не люди...

Это Зло. Причем Зло не призрачное, а принадлежащее реальности, нечто совершенно чуждое человеческому виду и недостойное жить.

И когда осознание этого страшного факта накрывает по-настоящему – ненависть смешивается с беспомощностью, невозможности изменить произошедшее, образуется новое чувство страшной взрывчатой силы.

. Ждите, мы придем и не молитесь тогда прощения под дулами наших автоматов. Наши запасы гуманности вы исчерпали и наше человеколюбие будет беспощадным. Кровь за кровь, смерть за смерть! Не забуду, не прошу!

Они вновь выскочили на грунтовку. Попаданческая территория закончилась резко, словно обрезанная титаническими ножницами.

Вдалеке на окраине угрюмого, первобытного леса стояли два уазика: полицейский и погранслужбы с эмблемой: на фоне двуглавого орла синий щит с крестом. Дверь полицейского уазика открылась, на землю плавно выскочила овчарка – здоровенная, ухоженная, отряхнулась. Следом вывалились, замахали руками полицейские и двое пограничников. Долгое ожидание закончилось, помощь приехала! Охранять машины остались водители. Одному из них капитан оставил носимую рацию с наказом держать постоянную связь. Подождав, пока пополнение из полицейских и солдат выгрузится, вслед за кинологом, с отчаянно рвущейся с поводка собакой, двинулись по лесной тропинке в лес.

Даже не так – ЛЕС! Первобытная, ни разу не тронутая топором дровосека тайга выглядела для попаданцев, привыкших к изможденному техногенной нагрузкой лесу из двадцать первого века, совершенно необычно. Шумели, издавали на ветру суровый, протяжный шум великаны – лиственницы, вздымаясь над остальным лесным царством на добрый десяток метров. В глубине мрачного леса сумрачно, со стволов стекали настоящие водопады ядовито-зеленого мха. Множество невидимых живых существ наблюдали за незваными пришельцами: со всех сторон доносился треск, скрип, писк лесных обитателей. Люди стремительно шли, почти

бежали по лесной тропинке, среди широко и низко распростертых над землей ветвей, то нагибаясь, то отстраняя их от себя и тогда каскады воды под тихое чертыханье падали на спины. Александр, настороженно оглядываясь по сторонам, двигался скорым шагом привычного к длительным маршам человека, сразу за кинологом. Полутьма тайги угнетала, хотелось выбраться из леса, – на волю, на простор. Воздух, напоен запахом свежей влаги, горьковатым ароматом пробудившейся земли, тлеющей хвои и набухающих почек, – весь этот весенний лесной запах странным образом напомнил запах отца. Александр вспомнил полузабытое прикосновение бритых щек и запах крепкого табака с едва уловимыми нотками мужского пота покойного отца. Помрачнел.

Этот мир, прекрасный и не загаженный цивилизацией, жесток к слабым, не способным пригнуть чужую шею к земле. Зато давал шанс построить что-то новое, не то, что получилось у человечества в двадцать первом веке. Чище, лучше и справедливее и это было по нраву Александру, человеку по натуре авантюрному. Если только попутанцы выживут. Главное сейчас – это выживание, он понимал это отчетливо.

Кабан в окружении полосатых поросят, вышел из-за деревьев и спокойно протрусил дальше, даже не пытаясь спрятаться от людей.

Полицейский капитан простонал в восторге, прицелился пальцем в самого крупного поросенка. Восторженно хлопнул армейского майора по плечу:

– Ты представляешь какая здесь охота?! Да тут просто сказка какая-то! Ничего, найдется время, сходим на охоту, как считаешь?

Начальник штаба батальона неопределенно пожал плечами. Не любил он все эти охоты с рыбалками. Вот если бы прошвырнуться по магазинам областного центра!

Спустя полчаса деревья поредели, в густом кустарнике на кромке леса кинолог остановил рвущуюся с поводка ищейку. Посредине обширной, метров двести в диаметре, поляны стояли два десятка изб – туземная деревня. На деревьях трепыхалась на порывистом ветру вполне обычная для двадцать первого века одежда, что не оставляла сомнений, что напавшие на Селинное разбойники, находятся здесь. Шумно дыша, собака, села на землю под сырой от дождя сосной, голова легла на лапы. Из пасти вывалилась алая тряпка языка.

Солдаты и полицейские, с покрасневшими лицами, все в грязи, столпились на опушке. Над головой на дереве крупная рыжая белка грызла орешек. Судя по всему, совершенно не опасалась людей.

Капитан приказал шепотом:

– Ложись.

Попутанцы залегли, ноздри защекотал пряный аромат усыпавшей стылую землю желто-зеленой хвои. Александр, не успевший забыть уроки тактики, приказал бойцам расползтись вдоль опушки в разные стороны от тропинки. Сам лег на землю рядом с полицейским капитаном и майором. Старший из полицейских достал из сумки бинокль, и аккуратно отвел в сторону сухую сосновую ветку.

Полицейский несколько минут рассматривал стойбище. Выглядело оно довольно жалко. Над соломенными крышами убогих деревянных изб с красными дверями вился дымок. По единственной улице сновали женщины в запашных халатах из неокрашенного сукна, беззаботно носилась детвора от малышей до подростков. Ближе краю деревни перевернутой чашкой стояла разноцветная юрта. У коновязи, напротив, переминались с места на место неоседланные лошади, жевали сено. Рядом с меланхоличным выражением на узкоглазом лице застыл на корточках абориген в дырявом, шерстяном халате. Справа от него, так что можно мгновенно схватить, торчало из земли узкое и длинное древко копья.

С противоположной стороны стойбища в огороженном невысоким плетнем вольере беспорядочно перемещались, громко и тревожно блеяли, облезлые после зимы овцы, словно предчувствовали собственную невеселую судьбу. У входа в вольер несколько мужчин вполне

боеспособного возраста с длинными ножами, больше похожими на кинжалы, на земле раздвигали тушу лося.

Этакая средневековая пастораль.

Перед Александром встала апокалипсическая картина погибших в Селенном старух и стариков.

– Суки!

Приказ однозначный, пленников освободить, при попытке сопротивления применять оружие на поражение. Но каким образом выполнять – непонятно. Аборигены явно настороже, а рисковать, прочесывая деревню с туземцами, без сомнения готовыми биться до конца, не хотелось. Оттуда пахло даже не опасностью – смертью.

Полицейский капитан повернулся к офицерам:

– Подождем, пока стемнеет и возьмем злодеев (милицейский жаргон: преступников) тепленькими! У меня с собой прибор ночного видения и глушитель на пистолет Макарова, – похлопал рукой по кожаной сумке на боку, – Как вам план?

Майор медленно снял очки, пожевал губами.

– Я не против, только предупреждаю, у меня распоряжение комбата! – произнес неуверенно, – В захвате туземцев мы не участвуем, только прикрываем вас.

Полицейский кивнул, довольно оскалился и вытащил из кармана рацию:

– Как меня слышно, прием?

– Слышу хорошо! – тихо прошелестело в ответ.

– Передай в город: собака привела к туземному селению. Похоже это злодеи. Дождемся ночи и будем брать!

– Принято!

Между тем багровый шар солнце понемногу склонялся к пламенеющему горизонту, начало темнеть. Деревья теряли форму, сливаясь в серую, неопределенную массу. Пение птиц постепенно ослабевало. Капитан вновь поднял к глазам бинокль, еще раз осмотрел стойбище. Потом тихо распорядился двум бойцам занять позиции с противоположной стороны поселка и вручил им запасную рацию. Солдаты подхватили оружие и, стараясь двигаться бесшумно, прорысили на позицию.

Над посеревшей опушкой нависло недоброе молчание. Петелин невольно сжался. Сердце замедлило темп ударов, холода воцарился в груди.

Воздух застыл тяжелый, неподвижный, как снулая рыба.

Коротко прошуршала портативная радиостанция: «готовы!»

Сбоку звонко хрустнуло – неуклюжий в снаряге боец сломал ветку. Александр повернулся в его сторону и погрозил кулаком, но поздно. Казавшийся до этого безучастным, словно степной, каменный истукан, охранник стойбища рывком вскочил. Приставил ладонь козырьком ко лбу, несколько мгновений пристально всматривался в подлесок, в котором засели попаданцы.

Неистово завопил, указывая рукой на лес.

На стойбище кочевников крик произвел эффект схожий с втыканием палки в лесной муравейник. Ветер принес пронзительные человеческие вопли; заблеяли, заметались овцы, добавляя неразберихи и гомона. Мурашами засуетились, суматошно забегали люди: женщины хватили на руки малолетних детей, подгоняли тех, кто постарше, спустя десяток секунд скрылись в избах. Мужчины, кто с луками и колчанами, полными стрел, кто с пиками, собрались всего в сотне метров от опушки на обращенной к пришельцам стороне деревни – обороняться до последнего. Считанные секунды и все затихло, словно действия по сигналу караульщика сто раз оттренированы: кому надлежит, спрятались, сильные мужчины приготовились к бою. Несколько мгновений царил напряженная тишина, нарушаемая глухими ударами сердца об ребра. Вдруг туземец, в драной кольчуге поверх длинного халата с луком в руках, который

стоял немного впереди толпы гортанно выкрикнул, лук нацелился в небо, рука оттянула тетиву к уху. Черной смазанной тенью стрела исчезла в синеве. И тут же со всех сторон перестук тетив. С шуршащим свистом стрелы ушли в небо, закладывая дугу.

Через миг над ухом Александра пронзительно свистнуло, на шею упали колючие хвоинки. Скосил взгляд и ошарашенно хлопнул растерянными глазами. Древко стрелы, в полуметре от головы, глубоко вошло в землю, оперение несколько мгновений гневно трепетало, словно досадуя, что не попало в нежную человеческую плоть. С другого бока вновь свистнуло. Молнией промелькнула стрела, с глухим стуком пронзила пенек в нескольких шагах дальше. Ярко-красное, словно капля крови, перо стрелы несколько мгновений дрожало. Переход от расслабленности к осознанию смертельной опасности произошел слишком стремительно чтобы не растеряться на секунду. «Робингуды хреновы», – ошарашено думал Александр, невольно поджимая незащищенные ноги, – Перебежать на необстреливаемое место? Глупо, увидят и подстрелят!»

Только самоуверенный дурак считает, что стрела – это не серьезно, что это детские игрушки. Хороший лучник, а плохих среди кочевников нет, держит несколько стрел в полете одновременно и пронзит насквозь незащищенного броней человека, ему раз плюнуть! Стрелы с тяжелыми наконечниками способны пробить насквозь металлические доспехи или сорвать с седла тяжелобронированного рыцаря.

Со всех сторон противный свист стрел, словно у аборигенов неиссякаемый запас, а металы стрелы не пара десятков туземцев, а целое войско.

– Ай, – и тут же что-то ругательное, по-кавказски, Александр повернулся. Солдат по фамилии Магомедов, перевернувшись на бок, схватился за незащищенное бронником предплечье, из него торчало древко стрелы. Застонал, прижимая ладонь к ране, вокруг набухало алое пятно. Обращенное к Александру горбоносое лицо стремительно бледнело.

Надо что-то делать. Что-то делать! Лейтенант посмотрел на руководителей экспедиции. В глазах майора плескался дикий ужас, и лейтенант понял – на него надежды мало. А на лице капитана полиции растерянность, раскрытый рот хватал воздух, словно выброшенный на берег карась, рука судорожно шарил в поисках рации в кармане.

– Нападение... на сотрудников... – бормотал полицейский.

Между тем к стрелкам подбежал малец в безрукавке на голое тело, в руках здоровенный пук стрел. Начал раздавать их. Между тем предводитель туземцев вскочил на коня, несколько туземцев поспешно седлали лошадей.

Спину покрыла противная испарина. «Если ничего не делать, посекут стрелами, а кто выживет – саблями», – думал Александр с невольным страхом. Первый бой запомнился навсегда и, он часто потом снился в кошмарах. И было гораздо страшнее, чем в настоящем бою.

Неожиданно лицо молодого офицера изменилось: взгляд стал острым и цепким, губы отвердели. Рот пересох, сердце бешено заколотилось о ребра. Теперь это не вчерашний мальчишка, растерянный и надеющийся на старших по званию, но настоящий командир. Будь он героем голливудского боевика, то в самый раз выйти из-за укрытия и стрелять от бедра, пошире расставив полусогнутые в коленях ноги и далеко откидываясь назад туловищем. Но такое эффективно в кино, а здесь жизнь. И он не американский супергерой, а русский офицер. Так что обойдемся без эффектных трюков.

Все дальнейшее происходило стремительно.

– Огонь, – выкрикнул, от волнения давая петуха и вскинул автомат к плечу.

«Тратата», – расцвел на пламегасителе калаша ярко-желтый мерцающий цветок. Краткий миг и со всех сторон, заглушая маты, яростными барабанами замолотили выстрелы.

И словно невидимая свинцовая коса прошла по туземцам. Кто молча, кто с криком ужаса, падали на землю. Последний кинулся бежать. Не добежав несколько шагов до крайней избы, словил тяжелую пулю. Крутанулся, словно от доброго пинка, рухнул. Стрелять стало не в кого

и между деревьев повисла пронзительная тишина, нарушаемая прерывистым дыханием людей да нудным воем заплутавшего в сосновых ветвях ветра. И отчаянный, захлебывающийся крик – вой со стороны стойбища.

«Добить пока не опомнились!», – Александр вскочил и, закричал:

– В атаку, вперед!

Перехватив поудобнее автомат, заорал невнятно и матерно, изо всех сил рванул вперед. Позади раздавалось протяжное «Ура», превращавшееся в какой-то страшный, утробный, протяжный звук: «А-А-А!!!! И глухие удары о землю ботинок солдат и полицейских позади. А в голове билось мысль: скорее добежать, и вцепиться в горло врага и бить его. Бить за все, за тот страх, который только-что испытал, за растерянность.

До окраины деревни весь мокрый от кончиков пальцев до кончиков волос, добежал первым и остановился, как вкопанный. На земле, между куч конских катышков и грязных луж лежали тела в грязных, стремительно темнеющих от крови халатах. Гадостно пахло кровью и нечистотами – с перепуга никто из попаданцев не вспомнил о приказе экономить патроны и аборигенов просто изрешетили. На лицах, с широко открытыми глазами, навечно застыли выражения удивления и ужаса. Один из туземцев еще дышал, всхлипывая и крупно дрожа. На мертвенно побелевшем лице капли крупного зернистого пота. Потом повернулся боком, плотно прижимая лицо к земле, затих.

Ужас перед содеянным пронизывал все существо Петелина, мешая дышать, сковывая движения. Руки с крепко зажатым автоматом упали вниз.

Другой, в рваном халате, пересеченном строчкой кровавых пятен, полз, ничего не видя, тонкий, почти детский, стонущий крик рвался из черного провала рта. По земле за ним тянулся багровый след. Явно – не жилец, но он еще не понял, не осознал, что для него уже все окончено. Что он уже мертв...

Вокруг замирали солдаты и полицейские. Александр позеленел. «Этих людей, которые только что были живы, любили, радовались жизни, убили по моему приказу. У них были дети, они тоже хотели жить. Неужели я чудовище?» Недавний обед стремительно поднялся к горлу. Он отвернулся к лесу, пытаясь совладать с бунтующим организмом.

Оглянулся на характерные звуки. Несколько бойцов склонились к земле в приступе мучительной рвоты.

И вой, вой, умирающего туземца, в котором не осталось ничего человеческого.

Александр не мог дальше слушать. Просто не мог... Автомат взлетел к плечу. Короткая очередь пересекла спину страдальца новой строчкой медленно расплывающихся пятен. Стало тихо.

На этот раз он не сумел удержать рвоту. Когда в желудке ничего не осталось, разогнулся и вытер рукой побледневшие губы. Где-то читал, что глубоко в душе каждого человека спит древняя жестокость. Что мы упиваемся властью, а убийство – это крайнее проявление власти. Это было не его, но и святым, способным простить убийц, он не был. Он не хотел смерти этих людей, он всего лишь защищал жизнь, свою и подчиненных. А еще погибшие в Селинной могли чувствовать себя отомщенными. Да воздастся каждому по делам его!

– Лейтенант! Кто вам дал право рисковать жизнью подчиненных? – Александр повернулся и натолкнулся на серый от злобы взгляд майора Воробьева, – Забыли, кто здесь старший? – крикнул штабной, морща голое, бабье лицо, – И как вы смели убить пленного?

– Пока нас расстреливали, вы молчали и мне пришлось взять ответственность на себя, – сказал Александр звенящим после боя голосом и навис, глядя сверху вниз над майором. Он был почти на голову выше и это дополнительно бесило штабного, – Не дам гробить моих пацанов!

Майор готов был поклясться, что в голосе молодого лейтенанта проскочили нотки презрения. И в глазах читалось нечто брезгливо снисходительное.

– Ах ты... – взвизгнул едва не захлебываясь от гнева, – Щенок!

– Я вам не советую оскорблять меня, – на щеках Петелина вспыхнули гневные пятна. Высокомерного начальника штаба он не уважал, но вынужденно подчинялся: против воинской дисциплины не попрешь.

Глаза майора выпучились, словно у рака, он густо побагровел. Несколько мгновений офицеры мерялись взглядами, майор не выдержал первым и отвел взгляд. И тут же, спохватившись, что наблюдающие картину ссоры рядовые могут истолковать это как непростительную слабость, крикнул:

– Посмотрим, что скажет командир батальона! – он отвернулся.

«Вот и нажил себе врага. Ну и черт с ним». Собственные действия Петелин считал единственно возможными.

– Мы здесь! – пронзительный женский крик на русском раздавался откуда-то из-за изб противоположного конца стойбища, – Мы здесь! На помощь!

Это пленники из Селинного. По крайней мере Александр истово в это верил,

– За мной, – махнул рукой солдатам и, настороженно посматривая на молчаливые избы, поспешил на голоса.

Перепрыгивая через лужи, обходил крайнюю в стойбище избу и, уже повернулся к ней спиной, когда позади пронзительно скрипнуло.

Офицер начал поворачиваться. Из черного проема двери ловко, словно охотящийся тигр, какие еще встречались в казахской степи, выпрыгнул на землю узкоглазый и худосочный туземец в меховой безрукавке. В опущенной руке блестел сабельный клинок.

В ноздри ударил стойкий запах конского пота, сбруи и навоза.

У Александра – автомат, но он не успевал повернуть его. Его сейчас убьют? Настал последний час?

Нет! Глаза залил оранжевый свет ненависти и время в единый миг застыло, потекло вязкой патокой, а звуки исчезли.

Вот позади Александра полицейский медленно-медленно поворачивает ствол автомата.

Вот сабля блестящей молнией взвивается в небо.

Сработали боевые рефлексy, прочно вбитые за годы учебы в военном ВУЗе в подкорку. Все произошло само, без участия разума.

Разворот на каблуках, который развернул Александра боком к туземцу, слился с выпадом правой ноги и ударом приклада в подбородок в одно плавное и стремительное движение, в которое вложил все силы.

Время внезапно восстановило нормальный бег, вернулись звуки.

Тонкокостного туземца словно ударило пушечное ядром. Отточенная сталь полетела в сторону, а тело с деревянным стуком впечаталось в неоштукатуренные бревна избы и медленно сползло по стене в грязь. Сабля вонзилась в утопанную землю, упала, выковыряв комок жирного чернозема.

Издали доносились призывные голоса пленников, а во рту металлический привкус крови от прокушенной губы.

Туземец лежал недвижим. Багровые струйки извилисто стекали из страдальчески искривленного рта и дальше по куцей черной бороденке, из карих глаз по капле уходила жизнь. Судя по неестественно вывернутой шее мертв он на полпути к гуриям.

Накатила свинцовая усталость. Несколько мгновений офицер, тяжело дыша, стоял над телом. Сердце яростно колотилось, в висках набатом стучала кровь.

– Сука, сука, ты сам виноват! Сука, сука! – шептали побледневшие губы, – Ты сам виноват!

Солдаты и полицейские, бросая на Александра странные взгляды, обходили лейтенанта и шли дальше.

На душе было гадостно. Одно дело стрелять издали и совсем другое убить человека, глядя человеку в глаза. На плечо молодого офицера опустилась рука, он повернул голову. Капитан полиции сочувственно улыбнулся:

– Айдате (*пойдем-южноуральский диалект русского языка*), – одновременно слегка подталкивая офицера в спину, – Первый убитый тяжело, я знаю, воевал в Чечне...

Александр кивнул, стряхивая с себя странное оцепенение и, направился на голоса.

В десятке метров за последней избой темнел в земле провал ямы. Оттуда доносились причитания, перемежаемые истеричными бабьими всхлипами, а вокруг, с ошарашенными лицами, сутились солдаты и полицейские. Александр остановился. Внизу белели пятна женских лиц, из ямы шла тяжелая вонь отхожего места и разлагающихся нечистот

Упала припасенная кем-то длинная веревка.

– Хватайтесь!

Вытащенная первой женщина, лет сорока, в разорванном платье, с фиолетовыми синяками на бледном, застывшем и, словно подмороженном лице, смотрела так, что Александру стало не по себе. Таким взглядом, наверное, освобожденные узники концлагерей смотрели на воинов-освободителей.

Женщина пошла от ямы прочь словно слепая, ничего и никого не видя вокруг. На ее пути оказался юный полицейский сержант. Движением сломавшейся куклы уткнулась лицом в грудь покрасневшего, как мак, полицейского, плечи судорожно затряслись.

– Родненькие, дождалась вас, наконец дождались! – давясь слезами, выдавила из себя женщина.

Старший от полиции покатал желваками, отвернулся.

– Всех жителей на улицу, лейтенант, ваши люди пусть вытаскивают наших из ямы.

– Есть, – Александр шумно выпустил воздух из груди и устало протер ладонью лицо.

Полицейский кивнул и достал рацию.

Александр оглянулся на деревню, откуда уже выводили воющую вереницу пленниц и детей. Вместо радости, что победил, выжил, появилось гадостное чувство словно извальялся в чем-то недостойном, гадком. Но он ни о чем не жалел. Выжить в страшном мире, где человек человеку волк – норма, или претендовать на роль уважаемого соседа, будет трудно, но он знал, что за Олю, за земляков... будет драться до конца.

Глава 3

После памятного выступления градоначальника, город замер в ошеломлении. Циркулировали самые невероятные и ужасные слухи о причинах Переноса и, вернется ли когда-нибудь город назад, в двадцать первый век и, множество других. Не только старушки, вечно шушукующиеся на «боевых» постах у подъездов, но и молодежь и средний возраст, несмотря на факты, упорно отказывались поверить в Перенос. Многим казалось, стоит закрыть глаза и сделать мысленное усилие и все исчезнет, как кошмарный сон, – и Перенос, и неопределенное будущее, и сонмы окружающих дикарей. И очнешься в двадцать первом веке с его перенаселением, загрязнением окружающей среды и угрозой термоядерной войны, но таком привычном и комфортабельном.

Жизнь горожан менялась и не в лучшую сторону. За первые две недели закрылись десятки мелких продовольственных магазинов, киосков и большая часть промтоварных, от электроники до автомобильных – с оптовых баз перестали отпускать товары. Крупные магазины торговали в прежнем режиме, но прилавки стояли полупустые, а ассортимент катастрофически сузился. К тому же более половины товаров отпускали только по карточкам. Горожане не голодали, но и не имели запасов – нормы были скромными. Большинство не возмущалось, люди понимали, что до следующего урожая еду надо экономить. Зато предложений работы появилось множество. Не проходило и дня, чтобы по единственному каналу телевидения и городскому радио не зазывали работать на «старые» заводы и вновь открывшиеся предприятия. Голь на выдумки хитра и голь всячески исхитрялась, чтобы произвести тысячи необходимых современному человеку вещей. Попыты по изготовлению бумаги, стекла и зеркал увенчались успехом, вышло неказисто, но исследования продолжались, и вскоре бумага, зеркала и стекло собственного производства обещали появиться на прилавках. Большой популярностью пользовались самодельные зажигалки на древесном спирту, их выпуск наладили умельцы. Две небольшие лесопилки, на окраинах города, получили с моторного завода оборудование, набрали рабочих и расширили ассортимент продукции от досок до комплектов для изготовления разнообразной мебели: корпусной и мягкой.

На следующий день, вечером мэр выступил по телевидению с специальным обращением и пообещал, что нападений больше не допустят, а на границах зоны Переноса оборудуются заставы, и пограничники приступили к охране территории попаданцев. Потом выступили бывшие рабы кочевников. Их рассказы о нападении и нечеловеческих условиях, в которых содержали выживших, ужаснули горожан. Если и оставались желающие бежать из города или идти просвещать окружающие народы, то теперь их не стало.

По деревням и стойбищам в окрестностях города отправились переговорщики татарской или башкирской национальности. А для убедительности их сопровождали военные на бронемашинах. Дары местным – пустые пластиковые емкости, разноцветные бусы и ширпотреб из магазина «Подарки», пошли на ура, а за городские товары удалось купить немалые стада овец, коров и лошадей, их тут же загнали на мясокомбинат. Хотя посланники горожан категорически отказались платить за занятую городом землю, которую аборигены считали своей, дело в большинстве случаев удалось решить миром и договориться о продолжении торговли. Только два кочевых родов напали на посланцев города. Попытку подавили безжалостно. Людей захватили в плен, дома разорили, а скот угнали в город.

Первоначальный шок прошел. Дни шли за днями, таинственная сила, перебросившая город в семнадцатый век, никак себя не проявляла и люди постепенно привыкали к мысли, что всю оставшуюся жизнь проведут в прошлом и никогда не увидят родных и друзей, оставшихся за непроницаемой стеной времени в далеком двадцать первом веке. Общим настроением горо-

жан стало: «А хрен вам! Вопреки всему будем здесь жить, рожать детей и только от нас самих зависит, как мы будем жить дальше. Жизнь продолжается, не мы, а мир прогнется под нас!»

По главной улице города отшумел первомайский праздник с традиционной демонстрацией студентов и школьников старших классов. Хотя объединенный горсовет, в который теперь входили и сельские депутаты от деревень, перенесенных вместе с городом, сократил праздничные дни на 1 и 9 мая до одного, это не уменьшило энтузиазма. После обеда улицы опустели, в городе остались одни немощные старики. Горожане, воспользовавшись солнечной и теплой погодой, потянулись с ведрами и инструментами за город – не было семьи, которая бы не воспользовалась щедрым подарком властей – всем желающим предоставили по десять соток под картошку и овощи.

Полдень девятого мая Иван Савелович встретил на центральной площади. Солнце палило, с безоблачных небес доносилось праздничное курлыканье перелетных птиц. Из громкоговорителей на здании администрации неслись над густыми толпами празднично наряженных (день выдался теплым): мужчин, женщин, детей и немногие ветеранов, бодрые песни военных лет. И, казалось, что здесь собрался весь город. Детвора устроилась на надежных папиных плечах и с энтузиазмом размахивала разноцветными шариками и флажками. Хотелось поесть хорошего шашлыка и выпить чего-нибудь покрепче. Все это создавало как прежде, до Переноса, атмосферу праздника и весны.

Наконец послышалось «Прощание славянки» – парада начался.

«Та-та, татата! Та-та, татата!» – могучие и торжественные звуки еще плыли в прозрачном воздухе, когда разноголосо закричала детвора: «Едут, едут!» и все заглушил всепобеждающий рев моторов. Один за другим из-за поворота неторопливо выехали три БТР-70 с полосами цветов георгиевской ленты по защитного цвета корпусу. Обдав горожан бензиновым чадом, уползли дальше. Даже без 14,5-мм пулемета КПВТ бронемашин выглядели внушительно и грозно. С дружным топотом вынырнули плотные коробки военных и полиции с оружием в руках, вид бодрый и подтянутый. Впереди печатали шаг командиры.

Толпа взорвалась восторженными криками и рукоплесканиями, замахали руками, приветствуя улыбающихся друзей, знакомых, родственников. Иван Савелович довольно прижмурился. Вид защитников города внушал надежду на безопасность. Следом и, гораздо хуже, прошагали пожарные и таможенники. Держать людей в форме, но без оружия слишком дорогое удовольствие, и все «погоны» вооружили снятыми с «ДХ» (*длительное хранение*) автоматами Ак-74. После этого невеликие запасы автоматического оружия на складах почти закончились. Закрывала парад коробка казаков разномастно вооруженных, от гладкоствола до охотничьих винтовок и карабинов, кое-кто еще с прадедовскими шашками, но все в штанах с красными лампасами уральского войска. Это в далеком двадцать первом веке на Урале казаки, в отличие от той же Кубани, были просто ряжеными.

После Переноса казачество стало резервом вооруженных сил города. Молодые и среднего возраста горожане и селяне записывались в казачье войско, принимали присягу и получали на руки оружие, а вместе с ним и обязанности по защите города и тех крупных деревень, которые решили не расселять – их охраняли казачьи отряды самообороны. Из них же – казаков, укомплектовали охрану рыболовецких и охотничьих партий, отправившихся за пределы перенесенной в прошлое территории. Зверей в окружающих лесах и степях, рыбы во множестве озер, ими богаты территории к югу от города, на неискушенный взгляд людей из двадцать первого века невероятное количество. Первые грузовики с убоиной и рыбой уже пришли в город, а охотничьи и рыболовецкие партии отправились за новой добычей. Это позволило плотно забить холодильники мяскокомбината и вдвое увеличить норму продажи мяса и рыбы. Другим признаком того, что город приспособляется к жизни в семнадцатом веке, стала заработавшая локальная городская сеть, но все понимали, что рано или поздно она выйдет из строя в силу отсутствия запасных частей. И дни, и ночи компьютерщики копались в ее глубинах и распеча-

тывали все, заслуживающее внимание: от художественных книг до учебников и технической литературы. Все это, когда компьютеры выйдут из строя, станет бесценным.

Расходились люди с парада, немного успокоенные за собственную судьбу. По крайней мере один союзник у маленького осколка России, провалившегося вглубь веков – армия, готов к борьбе.

***

Утро выдалось безветренное, холод совсем не мешал —скорее бодрил. В просторном дворе школы в окраинном втором микрорайоне, посреди группы из двух десятков парней, выправкой напоминавших военных или недавно демобилизовавшихся, стоял Иван Тимофеевич – грузный, бородатый нагайбак в традиционной казачьей форме с малиновыми лампасами.

Нагайбаки – этнорелигиозная группа татар, проживающих по большей части в Челябинской области. Верующие – православные христиане. Входили в состав уральского казачьего войска.

Казак посмотрел на наручные часы, перекрестился:

– Ну, господи, благослови! Строиться ребята!

Несколько секунд, и «ребята» замерли перед казаком в строю.

Новоявленный учитель довольно крикнул и провел широкой ладонью по бороде. От казака мощно веяло запахом крови, воли и непокорства, и при взгляде на него так и представлялись бескрайние степи, казачьи ватаги, рыскающие, словно волки, в поисках добычи и жаркие сабельные схватки.

– Видел ли кто, что такое настоящий казачий удар, – вытаскивая из ножен хищно блестящую на утреннем солнце шашку, Иван Тимофеевич расплылся в хищной улыбке.

Ответом стало разноголосое: «Нет».

Казак кивнул, лицо утратило добродушие сытого, довольного собой и окружающим человека, уголки рта сползли вниз, закаменели черствыми извивами. Несколько стариков, помнивших хитрые казачьи повадки рукопашного боя и приемы с оружием, обучали всех желающих от детей до возрастных мужчин и женщин. И первыми в очереди на обучение стали два десятка парней – ветеранов Чечни, из которых планировалась сформировать взвод спецназа. Наверху посчитали, что в мире семнадцатого века, где владение холодным оружием обязательно, навык обращения с казачьей шашкой лишним не будет. За обучение город платил старикам небольшую зарплату, и они были довольны.

– Вот смотрите, ребята, – казак подошел к небрежно вкопанному в землю столбу, пара сантиметров в диаметре, – Главное в ударе не в силе рук, а в силе кисти,

Шашка поднялась над головой, взвизгнула, запластала воздух, превратилась в мерцающий и визжащий круг. Левую руку убрал за спину.

– Когда рубишь, то не бей, а режь! Режь его, словно пилишь! И помни – плоскость шашки должна быть непременно наклонена к плоскости удара. Непременно. Тогда и твердое рубишь, словно оно из голимого масла. Смотрите!

Свистнул разрубаемый воздух, и верхняя часть столба слетела наземь, а он даже не покорился, и еще, и еще, все новые куски падали на землю, пока из земли не остался торчать пенек. Он словно строгал палку. Тогда казак слегка пнул его, пенек выскочил, выворотив кусок черной, жирной земли. Сталь прадедовской шашки была остра, но главное здесь умение нанести удар так, чтобы вся сила ушла на разрушение.

– Вот так бьют казаки, – обвел взглядом впечатленных парней и довольно крикнул.

– А мы так сможем? – спросил парень с цыганистыми глазами, юркий, как шарик ртути.

– Ну тут кровь нужно иметь особую, казачью и заниматься шашкой с детства, но кое чему вы научитесь. Обещаю.

***

После взорвавших тихую провинциальную жизнь города событий, прошло двадцать дней.

Гордо вздернув носик и, только иногда пораженно распахивая голубые глазки, Ольга Соловьева шла по пустынному дядиному дому, словно по музею. Дорого-богато. Везде идеальный порядок и чистота. Венецианские окна от пола до потолка; дизайнерская мебель сияет золотом накладок, на стенах телевизоры метра полтора по диагонали, фарфоровые вазы, бронза и картины – явный антиквариат; на полу блестит иссиня-черный керамогранит. Похожий интерьер Оля видела только в западных сериалах наподобие «Богатые тоже плачут» а в жизни еще никогда. Зашла в очередную комнату. В углу белоснежный мраморный камин, несколько обгоревших поленьев в топке вкусно пахли дымком. На кирпичной стене над ним живописно развешено оружие: хищно блестела бритвенно-острым лезвием сабля; рядом – потертый лук и короткое копье с до блеска вытертым древком. Оля подошла поближе. Наклонилась и несколько мгновений рассматривала оружие, осторожно прикоснулась пальчиком. Страшно! С первого взгляда понятно – не муляж, настоящее боевое оружие, вкусившее человеческой крови. Окончательно ее добило, когда спустилась в подвал. Небольшой, пять на пять метров, бассейн, пока без воды, сверкал снежно-белой плиткой. Эрмитаж! Настоящий Эрмитаж! Но только не ее это. Она чувствовала себя здесь лишней. Год тому назад Оле довелось побывать в дядином доме и то посещение она надолго запомнила. Дальше прихожей их с мамой не пустили. Дальние и бедные родственники дяде не интересны, но поступить Оле в сельскохозяйственную академию все же помог.

Дядина жена тетя Валя, показала Оле ее комнату и, извинившись, что дела и придется уехать, посоветовала самостоятельно изучить дом. Предоставленная комната выглядела верхом роскоши, по крайней мере по сравнению с «детской» в отцовском доме: паркетный пол, дизайнерская мебель, на стене зеркало в полный рост, в углу роскошное кресло – качалка. И, одновременно стандартно-безлико, словно гостиничный номер. Этого Оля терпеть не могла и немедленно попыталась разрушить впечатление, обжиться. В громадный, до потолка, белоснежный шкаф-купе отправилась одежда и всякие женские мелочи. На открытую полку кассеты и книги про романтическую любовь.

По телевизору показывали тягомотину – интервью бывшего ректора сельхозакадемии. После Переноса его назначили заместителем главы города по науке. Планы работ создаваемых лабораторий и конструкторских бюро, восстановление промышленных технологий и экспедиции геологоразведки девушку абсолютно не интересовали и, она заскучала. Поняла только, что освободившиеся преподаватели и профессора совместно с конструкторами из городских предприятий, перешли в лаборатории промышленности, черной и цветной металлургии, химическую, фармакологическую и электротехническую и немедленно приступили к заказанным мэрией исследованиям. А в сельхозакадемии начали экспериментальные прививки от оспы материалом, взятым от коров. Заняться было нечем, и она последовала тетиному совету – исследовать дом.

Из-за закрытой двери кухни доносился брызг посуды, едва слышно журчала вода. Девушка открыла дверь, манящий, душераздирающий аромат свежей выпечки и еще чего-то вкусного, ударил в ноздри. Средних лет женщина в белоснежном передничке поверх простенького платья склонилась над посыпанным мукой разделочным столом. На скрип дверей обернулась, всплеснула руками и звонко рассмеялась.

– Ой как ты меня испугала, вы, наверное, Оля Соловьева? – женщина громко затараторила, – А я Наталья Григорьевна – домработница Виктора Александровича. Очень приятно познакомиться. А то хозяйева все по делам и по делам, а я одна целый день!

Бездельничать, когда другие работают неловко, и Оля предложила помочь, но женщина отчаянно замахала руками и немного растерянно, но категорически отказалась. Девушка

пожала плечами и уже хотела выйти, как курносого носика достиг восхитительный и пряный запах дорогого сыра. На столе, сверкая снежной белизной с темными прожилками, стояла тарелка с сырной нарезкой. Немудренный кисломолочный продукт Оля обожала до безумия. Будь ее воля только его бы и ела! Семья Оли не отличалась достатком, но сыр для обожаемой дочки приобретался регулярно. Вот только элитные сорта сыра в магазины ее родного городка не завозили и к восемнадцати годам она лишь однажды и то на свадьбе подруги, пробовала вкуснятину – сыр Бри.

– Ой. Это тот самый сыр с плесенью? – небрежно сказала девушка и указала тонким пальчиком на тарелку, невольно сглатывая слюну.

– Ага, камамбер, – домработница кивнула, улыбнулась по-доброму и протянула полную вкуснятины тарелку Оле, – Будете? А может вы голодны? Накормить вас?

Девушка прикусила губку, на кухне пахло очень вкусно. Но вот лишний жирок на талии... Вежливо отказалась. Вот только не взять восхитительно пахнущий сыр оказалось выше сил. Поблагодарила и, с тарелкой в руках, отправилась дальше.

Оля оставила добычу в комнате и обошла весь дом. Дома сидеть было скучно, и она решила прогуляться по улице.

У входной двери сидел охранник – здоровенный бугай, смахивающий на обритого бабуина. Он окинул девушку подозрительным взглядом, словно она преступница какая-то, но поздоровался вежливо и попросил не выходить на улицу. Дескать это указание Виктора Александровича. Заявление озадачило Олю, настроение стремительно ухудшилось. «Меня что, арестовали? Не слишком ли рано обрадовалась, что дядя обратил на меня внимание?». Возмущенно фыркнув, Оля вернулась в комнату.

Оля поправила платье на высокой груди и, на ходу сбросив на пол забавные, в виде розовых пушистых мишек, тапочки, забралась с ногами на диван из черной кожи, села по-турецки. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке! Столько лет была не нужна дяде, а тут на тебе – вспомнил! Кстати, о сыре! Девушка положила тарелку на диван. Вкуснятина! Кусочек, еще один. Незаметно для себя опустошила тарелку. По телевизору шел полузабытый боевик, Олю он не заинтересовал, и, сделав звук потише, девушка вспомнила события сегодняшнего дня...

День начался хуже некуда. Щурясь от северного ветра, осыпавшего лицо мелкими и холодными капельками, которые ползли по лицу, словно слезинки, она шла по пустынной улице, и едва не плакала. То, что парней, за исключением немногих счастливчиков – отличников, отчислили из сельскохозяйственной академии и городских институтов, а затем забрали в трудовую армию – это нормально. Городу не нужно столько будущих юристов, менеджеров, агрономов и прочих, к тому же большинство студентов были иногородними и больше некому оплачивать учебу и проживание. На полном довольствии города парни будут трудиться на стройках и одновременно получать нужную городу профессию. Заодно обучатся военному делу. А желающие после двух лет смогут заключить контракт с городом и продолжить службу военным или, к примеру, полицейским. Но призывать слабый пол... это полный беспредел! Девушка нервно сжала пухлые губы, снова переживая посещение военкомата. Не должны женщины служить по призыву и все! Да, она читала, что в Израиле даже девушки служат, но они же живут в России... или, по крайней мере, жили.

Когда вчера вечером Оля обнаружила в почтовом ящике повестку в военкомат, это повергло ее в шок и недоумение. Первым желанием было забыть про непонятную бумажку, но поразмыслив, она решила все же сходить по повестке. Городская власть не церемонилась и желающих поиграть с ней в прятки осталось мало. Чуть что и мигом суд. Желания на месяцы отправиться в штрафники, разбирать городскую свалку или на другую не менее приятную работу, не было! На следующее утро девушка переступила порог военкомата и к обеду получила на руки приказ завтра к восьми утра с вещами явиться на призывной пункт.

Разбрызгивая мутные капли из лужи, по проезжей части пролетела легковушка с нелепой нашлепкой газогенератора позади кузова – за сравнительно небольшую сумму их устанавливали в авторемонтных мастерских. Оля испуганно шарахнулась к стене ближайшего дома. Брызги, слава богу, не долетели. Облегченно выдохнула – стирать проблематично, моющие средства почти исчезли из продажи. Изготовленное после Переноса мыло хотя и приятно пахло хвоей, но его было мало, к тому же оно не подходило для машинной стирки, а ручную стирать Оля не любила.

У первого подъезда двухэтажного деревянного дома, почти барака, где она снимала комнату, какие далеко не редкость в старинных уральских городках, (*Их называли жактовские дома*) перекрывала тротуар машина. Облокотившись о капот, смутно знакомый мужчина, с худощавым хищным лицом и бритой головой, слегка за тридцать, рассматривал ее в упор. Оля гордо выпрямилась и презрительно поджала пухловатые губы, демонстративно игнорируя нахала. «Ну и что на меня смотрим? На мне узоров нет! И к тому же она на улице не знакомятся, не из таких!» Девушка сошла на проезжую часть, чтобы обойти незнакомца.

Мужчина раздвинул в вежливой улыбке тонкие злые губы, сказал деловито, без единого намека на флирт:

– Ольга Николаевна Соловьева?

– Да, – девушка остановилась. Ледяной взгляд Снежной королевы замер на лице мужчины. Откуда он ее знает? Сколько не напрягала память, но вспомнить не могла, но все же кого-то он напоминал.

– А вы кто, молодой человек? Я вас не знаю и на улице не знакомлюсь!

Мужчина насмешливо хрюкнул.

– За молодого человека отдельное спасибо, но, вы ошиблись. Я не с целью познакомиться. Я помощник вашего двоюродного дяди Виктора Александровича Соловьева. Он хочет поговорить с вами, – мужчина, заметив на лице девушки колебание, вытащил из кармана плоскую коробочку мобильного телефона, – Секундочку.

Набрал номер:

– Это я, Виктор Александрович. Она здесь, передаю трубку, – и передал телефон девушке.

Оля посмотрела на мужчину с сомнением, но все же взяла телефон.

– Здравствуй, Оленька, душа моя, – необычайно приветливый голос дяди, хотя и видела его всего один раз и то год тому назад, узнала сразу. Дядя сказал, что Оля его единственная родственница на всем белом свете и, что он вместе с женой просит переехать ее жить к ним. На слабые попытки девушки возразить, что она должна завтра явиться в военкомат, дядя хохотнул и заявил покровительственно, что решит проблемку. Девушка вначале растерялась. Затем, едва скрывая радость, ответила согласием...

Тетя до вечера так и не приехала. На часах было десять, когда бухнула входная дверь, когда сквозь закрытую дверь ворвался приглушенный мужской голос. Оля выскочила в прихожую. Соловьев, с землистым от усталости лицом, опираясь об стенку рукой, переобувался в домашние тапочки.

– Оленька, здравствуй! – дядя вяло улыбнулся. – Приведу себя в порядок, зайду к тебе. Подожди немного.

– Виктор Александрович, здравствуйте, меня...

Соловьев скривился, точно от зубной боли и перебил:

– Никаких Викторов Александровичей, для тебя я просто дядя, – заметив, что Оля хочет что-то сказать, произнес с ноткой недовольства, – Все потом, когда приведу себя в порядок.

Решительно повернулся и вышел из прихожей. Оля пожала плечами и вернулась в комнату.

Следующие полчаса провела словно на иголках, тысячи вопросов, одновременно вертелись на языке и главный из них – почему всеильный глава города и знать не хотевший дальнюю и забытую родственницу воспылал к ней интересом?

В дверь негромко постучали, не дожидаясь ответа, в комнату вошел дядя. Он переоделся в белоснежный махровый халат, лицо посвежело. Улыбался. Глаза сияли. Вид именинника, получившего долгожданный подарок. Он окинул одобрительным взглядом родственницу. Черные, как ночь, ресницы и такие же волосы, личико славное. Интеллигентное, явно не с Гончарки с тамошними даунятами, тут порода чувствуется. И фигурка, такие бывают у занимавшихся балетом. Оля и действительно в детстве ходила в балетную студию, но потом умер отец и занятия пришлось бросить.

Положительно, не будь она родственницей, а он – помоложе, то ух!

Племянница зарумянилась, поспешно вскочила с дивана и выключила звук у телевизора. Виктор Александрович

Приобняв племянницу за плечи, ткнулся сухими губами в пахнущую свежестью девичью щечку.

– Пойдем, покажу тебе дом. Теперь ты будешь здесь жить, – протянул покровительственно.

Отказываться неудобно, и Оля отправилась в повторную экскурсию. Соловьев, с видимым удовольствием вспоминал, как строил дом и где, и как приобрел обстановку очередной комнаты. Наконец, экскурсия завершилась, они возвратились в комнату, Оля села на диван, а дядя, пододвинув поближе кресло-качалку, развалился, качнулся разок.

– Устал Оленька, работы, – Соловьев провел ребром ладони по горлу, – Во! Но ничего, прорвемся! Чтобы мы, Соловьевы, да не справились? Да не бывать такому! – дядя молодецки подмигнул.

На экране телевизора безмолвно шел мультфильм: кукла Барби, с вечной дурацкой улыбкой, брела по густому лесу вслед за снежно-белым единорогом.

Оля, похлопала наращенными ресницами, что сделало ее неуловимо похожей на героиню мультфильма.

– Виктор Александрович, я...

– Оленька! – перебил мужчина, улыбаясь, шутливо погрозил пальцем, – Мы же договаривались! Дядя или дядя Витя!

– Хорошо, дядя, – девушка сверкнула глазками, но тут же скромно опустила в пол.

Немного помолчали, в комнате повисло неловкая тишина, за окном темнело, деревья в саду расплывались теряли форму, сливались в серую, потом в темную массу.

– Кхм, – дядя внушительно откашлялся, сейчас он выглядел заботливым родственником, озабоченным счастьем двоюродной племянницы. Качнулся в качалке и доверительно прикоснулся к руке девушки, – Ты моя единственная родственница в городе и я решил! Ты будешь жить здесь на правах дочери.

Оля нервно прикусила губу. Вот тебе и раз! Живи на правах дочери! Не верила она в бесплатный сыр, но и отвергать сходу щедрое предложение, глупо. Посмотрю, что от нее нужно, тогда и решу, как поступить.

– Дядя, тут такая проблема... я училась на юридическом, а меня отчислили. Что мне делать?

– Юристы больше не нужны, так что возвращаться в сельхозакадемию смысла нет. А там, глядишь, замуж выйдешь? А, Оленька? – дядя залихватски подмигнул, а девушка округлила глаза.

– Ой! Дядюшка, а откуда вы знаете про нас с Сашкой? – всплеснула руками.

– Какой Сашка? – Соловьев нахмурился, некое смятение коснулось лица и застыло в приподнятых бровях.

– Он военный, лейтенант с рембазы... ой! Из батальона! – девушка запунцевела, став еще краше и затараторила, – Александр Петелин, мы с ним дружим уже скоро год и хотим расписаться! Он хороший, правда-правда! И меня очень любит!

Виктора Александровича сжал губы в блеклую нить, пальцы правой руки тревожно пробарабанили по подлокотнику. «Лейтенантик в качестве зятя неподходящая кандидатура, если из вояк, то хотя-бы за майора собралась... Нет, выйдет замуж за кого решу!» Под пристальным и немного скучающим взглядом девушка смешалась.

– Оленька, – сказал непреклонно, кисло, как теща, у которой сватает дочку нищий зять, улыбаясь, – ты мне как дочь и голодранцы типа этого, – после паузы продолжил, выплевывая слова, – Сашка нам не нужны. Найдем более достойного мужа!

И добавил про себя: «и выгодного мне. Надо подумать, кого с помощью брака с девчонкой привязать к себе».

После Переноса жена Виктора Александровича поубивалась – в двадцать первом веке остался сын, но спустя несколько дней успокоилась. В конце концов, он взрослый, самостоятельный человек, жив и здоров. А то, что никогда больше его не увидит, так это изменить нельзя и, как увещевал батюшка Михаил из Храма Живоначальной Троицы, его она очень уважала, с этим надо смириться.

Соловьев к сыну относился подчеркнuto холодно. Тот оказался слишком похож характером на отца, а двум медведям в одной берлоге не ужитья. Три дня тому назад супруга за традиционным совместным завтраком напомнила о существовании единственной оставшейся на всем белом свете родственницы – Оли. Соловьев тогда рявкнул на супругу, дескать, зачем ему эта нищета, воспитывавшаяся черт знает где? Жена обиженно поджала губы и замолчала, но с тех пор Виктор Александрович задумался, ему шестьдесят, кому оставит все заработанное и нажитое? Чем дольше думал об этом, тем больше мысль удочерить племянницу нравилась ему... Он столько сделал для города и столько еще сделает... неужели он не достоин стать основателем династии наследственных МЭРОВ, да какая разница как называть, хоть царем!? Пусть не племянница, хотя бы ее дети могут пойти по стопам дяди. Все равно родная кровь. Цари Соловьевы! Звучит! Пройдут столетия, а обо мне будут помнить, как о родоначальнике царей Соловьевых! Хотя один город... это мелко. Маловат размерчик то! – вспомнил старый мультфильм и, почти детская улыбка тронула губы. Россия – вот достойная цель! Но об этом рано, сначала город должен укрепиться... В любом случае, девчонку необходимо забирать, и если не ее, то ее ребенка объявить наследником.

Слова родственника ошеломили Олю. Растерянная и покрасневшая, несколько мгновений безмолвно смотрела на дядю. Она и так не слишком жаловала родственничка, а сейчас почувствовала к нему неприязнь. Перед мысленным взглядом девушки появился облик жениха: чуть курносый нос, пухлые губы – мать говорила, значит добрый, на которых вечная добродушная улыбка. Облик не портила даже борозда, стекавшая наискось через лоб, незнакомая, пугающая какой-то отчужденностью, появившаяся после экспедиции по освобождению пленников из Селинного.

Девушка дерзко взглянула в лицо всемогущего родственника:

– Дядя! Мне никто другой не нужен! Мы с Сашей любим друг друга и я...

– Так, – двоюродный дядя бесцеремонно перебил, – Я, как старший родственник, запрещаю встречаться с ним!

– Дядя! – девушка повысила голос, – Я...

– Все я сказал! – рявкнул Виктор Александрович, весоמו прихлопывая ладонью по подлокотнику, – Ты слишком молода, чтобы решать свою судьбу самостоятельно, будет как я сказал!

Подумал с одобрением: «Упряма, под себя гребет. Наша порода!»

Мультфильм закончился, на экране мрачные типы в кожаных куртках гонялись друг за другом по улицам американского города и стреляли из пистолетов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.